

НАСЛЕДИЕ КРЕМЛЁВСКИХ
ВОЖДЕЙ

СЕРГО БЕРИЯ

**МОЙ ОТЕЦ
ЛАВРЕНТИЙ
БЕРИЯ**

**СЫН
ЗА ОТЦА
ОТВЕЧАЕТ...**

Серго Лаврентьевич Берия
Мой отец Лаврентий Берия.
Сын за отца отвечает...
Серия «Наследие кремлевских вождей»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6056155

*Сын за отца отвечает: Мой отец Лаврентий Берия / Берия С. Л.:
Алгоритм; Москва; 2013
ISBN 978-5-4438-0283-1*

Аннотация

Сенсационная книга, в которой рассказывается о легендарном Лаврентии Павловиче Берии – ближайшем соратнике Сталина. Его титаническая деятельность на самых разных должностях – от всесильного наркома госбезопасности до руководителя советского атомного проекта – была на первом краю сталинской политики.

В наше время имя Л.П. Берии обросло многочисленными мифами и легендами. Оно постоянно подвергается нападкам недоброжелателей, за которыми намеренно скрывается историческая правда. Как получить достоверную информацию об этом незаурядном деятеле Советского Союза? Его сын С.Л. Берия готов ответить за отца и рассказать немало интересного.

В книге представлены как не публиковавшиеся в России материалы биографов Берии, так и воспоминания его сына.

Содержание

Рауль Чилачава. Сын Лаврентия Берия рассказывает...	5
Предисловие	5
Диалоги с сыном Лаврентия Берия	11
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Серго Берия

Сын за отца отвечает: Мой отец Лаврентий Берия

Рауль Чилачава. Сын Лаврентия Берия рассказывает...

Даже когда мы многое узнали после суда над Берия, мы дали партии и народу неправильные объяснения и все свернули на Берия. Он казался нам удобной фигурой, и мы сделали все, чтобы выгородить Сталина...

Н. С. Хрущев. «Огонек», № 9, 1990, с. 16

Предисловие

Сегодня святая Троица... Светлый христианский Праздник. За окном шумит ливень, беспощадно сбивая отцветшие лепестки каштанов. В распахнутые двери балкона врывается свежий летний ветер, наполняя квартиру озоном. Мою беседу с одиноким хозяином сопровождают раскаты грома, словно гул канонады из ушедшей эпохи, где осталось столько тревоги, страха, страданий. Недавно он похоронил мать, кото-

рая была для него не только родным человеком, но и близким другом. С ней вместе ему пришлось испытать полынный привкус ссылки, долгие годы изоляции от общества. Мать умерла в восьмидесятисемилетнем возрасте, сохранив прежнее душевное обаяние, доброту и веру в людей...

Говорят, в молодости она была неопикуемой красавицей и будущий муж, дрогнув перед ее очарованием, похитил избранницу. Тяжелое бремя ответственности легло на хрупкие плечи Нино Гегечкори после замужества. Шутка ли – мужем был Лаврентий Берия!.. Их первенец – единственный сын, с которым мне предстоит нелегкие беседы, ныне уже молодой, но, вспоминая маму, с трудом сдерживает слезы. Согласно завещанию, он ее похоронил в Тбилиси. А могилы отца нет. От отца вообще не осталось ничего: ни вещей, ни книг, ни документов, ни фамилии и отчества. Хотя передо мной и сидит кровный сын Лаврентия Павловича Берия, по паспорту он – Сергей Алексеевич Гегечкори: так его нарекли гэбэшные власти, выпуская на волю после десятилетней ссылки. Мол, оградим тебя от народного гнева!.. Серго упорствовал, не хотел принимать другую, хоть и материнскую, фамилию и иное, хоть и прадедовское, отчество. Он хотел остаться тем, как крестили при рождении – Сергеем Лаврентьевичем Берия. Однако его убеждали: куда бы ты ни поехал, где бы ты ни работал, тебе все равно вручат именно этот паспорт! Привыкай! И ему пришлось делать вид, что привыкает... Оказывается, не смог привыкнуть, ибо ему чужд ком-

плекс Павлика Морозова, донесшего на родного отца.

Я давно знал, что мы живем в одном городе. Несколько раз даже пытался отыскать его, но в последний момент останавливали сомнения: захочет ли сын заклеяменного «агента международного империализма» встретиться с земляком-писателем, вынашивающим мысль написать книгу о его семье. На имя Берия тогда вообще было наложено табу, его нигде не упоминали, обходили молчанием, как бы следуя совету древних латинян: *De mortuis aut bene, aut nihil*. («О покойниках или хорошо, или ничего!»). Плохого и отвратительного было наговорено хоть отбавляй, а отзываться хорошо в нашем государстве не было принято даже о святых покойниках, – тут же многогрешный партийный босс и всемогущий шеф тайной полиции. Но история – «сволочнейшая штукавина» и ей свойственно время от времени возбуждать интерес к себе и людям, игравшим заметную роль в жизни общества. Более того, она сама выбирает главных действующих лиц для своих грандиозных постановок, безошибочно разгадывая амплуа того или иного исполнителя.

Во многосерийной большевистской эпопее, полной драматизма и человеческих трагедий, Лаврентию Берия была уготовлена роль покорителя Олимпа и низвергнутого, идола, на которого впоследствии спишут все мыслимые и немыслимые преступления коммунистического режима. Сегодня очевидно, что после тридцатилетней диктатуры Сталина, грузина по национальности, Берия, тоже грузин, будь даже

агнцем божьим, не был бы помилован волчьей стаей из Политбюро, где каждый дрожал за собственную шкуру. А дрожать было за что, ибо все они, почти без исключения, продвигались к высшей власти по трупам своих друзей и соратников. Их траверсы были обагрены кровью: у кого – большей, у кого – меньшей. Но разве это имело значение? У всех рыльце было в пушку... Лучше Лаврентия Берия знать об этом не мог никто. Работа у него была такая: владеть тайнами не только Кремля, но и всей страны. Стая понимала: смерть Сталина – это рубеж, который может оказаться для нее роковым, если она не уберет опаснейшего соперника, такого же туземца, как и покойный хозяин. Никита Хрущев, прекрасный исполнитель гопака на сталинских застольях, решил стать главным ликвидатором и, опираясь на «коллективный разум» единомышленников, сумел добиться цели...

С тех пор прошло без малого сорок лет. Неузнаваемо изменилась наша жизнь. Приказали долго жить СССР, КПСС, КГБ. История, сначала распределившая роли, ныне вершит суд над их исполнителями. Предлагаемая книга содержит как бы дополнительные показания для этого суда.

Я понимаю, что объективную историю репрессий в СССР не смогут написать дети как репрессированных, так и репрессировавших. И те, и другие полны желания показать своих родителей в лучшем свете, тогда как истина лежит где-то посередине. К этой середине нам и необходимо стремиться.

Я отдаю себе отчет в том, насколько дерзновенна даже

робкая попытка посмотреть на Лаврентия Берия как бы с новой, отличающейся от официальной точки зрения. Совсем недавно это было бы немыслимо. Но сегодня, в период тотальной переоценки ценностей, мы вправе не принимать на веру многие утверждения советских идеологов и историографов, успевших возвести Эвересты лжи. Тысячи страниц новейшей истории до недавно нашей общей страны ничуть не искренне и не объективнее страниц ставшего притчей во языцех «Краткого курса ВКП(б)». Его хоть за краткость можно уважать...

– Злостные намерения обелить предателя! – воскликнет ортодоксальный читатель.

– Отнюдь! – отвечу я ему. – Речь пойдет лишь о том, в чем видели грехопадение Л. Берия члены Политбюро и Центрального Комитета и как в свете нынешней общественно-политической обстановки в бывшем СССР выглядят их доводы.

Сегодня мало кто остался в живых из участников заговора против Берия. Большинство из них, дожив до глубокой старости, ушли в мир иной спокойно, напоминая о себе потомкам то невзрачными плитами на кремлевской стене, то черно-белыми надгробными памятниками на Новодевичьем кладбище. Но как они ни старались скрыть свое истинное лицо, все равно не смогли. Еще долго нас будут преследовать их мрачные зловещие тени, и хотя уже нет страны, которую они якобы строили, и нет строя, который хотели навязать все-

му миру, мы, ныне сущие, навряд ли сумеем полностью уйти от них, Да и вытаскивание на свет божий новых и новых свидетельств о прошлом не облегчит нам участь несчастных граждан обнищавших и обездоленных стран. Дай бог, чтобы будущее у всех нас было свое, но прошлое, в котором худо-бедно, но жили вместе, принадлежит всем нам. И мы с моим собеседником отправляемся туда, в прошлое, которое, к сожалению, не стало нашим светлым будущим.

Диалоги с сыном Лаврентия Берия

– Батоно Серго, я знаю, что ваш отец родился 30 марта 1899 года в бедной крестьянской семье. Однако хочется поставить вопрос шире: кто ваши предки?

– Дед мой по отцу – Павле Берия – свою молодость провел в Мингрелии, но из-за конфликтов с властями был вынужден, оставив свой малый достаток, переехать в глухую абхазскую деревню Мерхеули. Родом он из села близ Мартвили, где жили, да и ныне проживают наши однофамильцы. Среди них – и мои двоюродные и троюродные братья и сестры. С некоторыми из них, кто не побоялся поддерживать со мной контакты, встречаюсь и теперь. Бабушка моя по отцу – из знатного рода Джакели. Звали ее Марта. До переезда нашей семьи в Москву она жила с нами и принимала активное участие в моем воспитании. Умерла она в 1955 году, после того, как мы с матерью вышли из тюрьмы. Пришлось нам целый год искать моих бабушек (и по отцу, и по матери), которых после гибели отца, выселив из тбилисских квартир, определили в дом престарелых под Гори. Никому из родственников, в том числе и детям, не разрешили взять их к себе.

– У Лаврентия Павловича были братья и сестры?

– Да, была родная сестра Анета. Она тоже жила с нами, но, не сумев привыкнуть к Москве, возвратилась через год вместе с бабушкой Мартой в Тбилиси. Эта образованная жен-

щина после тяжелой болезни стала глухонемой. Отбыв с мужем и ребенком ссылку в Абакане, тетя умерла, а ее дочь – моя двоюродная сестра – живет в Тбилиси.

Был у отца и сводный брат Капитон Кцарацхелия, который еще до революции со своим дядей, бабушкиным братом, уехал в Маньчжурию на заработки, а вернулся в Советский Союз в 1935 или 1936 году. Одно время он жил у нас, но позже переехал в Сухуми, где заведовал нефтебазой.

– Я слышал, что бабушка Марта была очень набожной женщиной...

– Да. Она ходила в церковь и вела христианский образ жизни.

– А как сын на это реагировал?

– Я вам одну историю расскажу. Был у нас в школе октябрятский кружок безбожников. Первой моей акцией как члена этого кружка стало то, что я испортил старинную икону, которую бабушка хранила в шкафу. Отец, вернувшись с работы домой, заметил, что она расстроена и спросил, в чем дело. Бабушка промолчала, а я с чувством удовлетворения и гордости рассказал, как разделался с предметом ее религиозного преклонения. Отец велел принести остатки иконы, потом попросил маму позировать. Рисовал он часа два. Вставив свою работу в рамку, он отдал ее бабушке со словами: «Что на него обижаться? Он воспитан нашим временем». Мне же сказал: «Ты поступил неправильно. Надо уважать чужие убеждения». Позже я все приставал к бабушке:

«Как ты молишься на эту икону? Ведь ты знаешь, что на ней не Богородица нарисована, а моя мама?!» Бабушка отвечала: «Когда вырастешь, поймешь, что этот рисунок для меня священен!»

– Я впервые слышу, что Лаврентий Павлович рисовал... – Он рисовал очень хорошо, посвящая этому увлечению все выходные. Работал маслом, акварелью, углем. Любил писать мои портреты. К своим работам относился снисходительно, но дружил с художниками, не скрывая своей любви к живописи. Более того, он страстно хотел, чтобы я стал художником. Но я выбрал технику. Кстати, также с его благословения.

– Сам Лаврентий Павлович какое получил образование? – Когда отцу было семь лет, дедушка, продав свое ничтожное имущество, отправил его на учебу в Сухумское высшее начальное училище. Вместе с ним поехала и бабушка Марта, все годы учебы жившая вместе с сыном в одной комнате, которую снимала. Грузинских школ тогда почти не было, родной язык преследовался, преподавание велось на русском. Я видел аттестат отца: в нем одни пятерки. Окончив училище с отличием, он задумался над дальнейшим образованием. Отец сильно увлекался архитектурой и строительным делом. Чтобы овладеть этими профессиями, надо было ехать в Петербург или Баку, где имелись соответствующие факультеты. Выбор пал на Баку – это и ближе, и дешевле. Дедушка продал оставшееся добро, добыл кое-какие деньги и бла-

гословил сына в путь Пятнадцатилетним юношей отец поступил Бакинское механико-строительное среднее техническое училище. Летом 1917 года он отправился на румынский фронт в качестве техника-практиканта, а после расформирования воинской части в которой служил, вернулся в Баку. В 1919 году он с отличием окончил училище и получил специальность техника архитектора-строителя.

– Известно, что Лаврентий Павлович вплоть до ноября 1922 года был связан с Азербайджаном, где он стал заместителем начальника секретно-оперативной части и заместителем председателя ЧК. Что вы знаете о бакинском периоде деятельности отца?

– Еще в студенческие годы через грузинское землячество он был вовлечен в работу бюро ячейки РСДРП (большевики). Отца и нескольких молодых людей из подполья послали к муссаватистам со спецзаданием: выяснить местонахождение их типографии и явок. Это подтверждается документами, которые до сих пор скрывают. А. И. Микоян отвечал за этот участок нелегальной работы и об участии отца в ней сам рассказывал мне. Когда произошли события, приведшие к трагедии с двадцатью шестью комиссарами, то отца в составе XI армии направили в Грузию для борьбы с меньшевиками. Там за подрывную деятельность против правительства его арестовали и поместили в кутаисскую тюрьму, но вскоре освободили по настоянию С. М. Кирова. Сейчас ходят разные слухи и домыслы: мол, Берия сорвал голодовку в тюрь-

ме, хотя, наоборот, он ее организовал. Мне известно иное: отец отказался от побега, застрельщиком которого был Шалико Церетели, боевой офицер, кавалер Георгиевского креста. С. Киров уже вел переговоры об освобождении отца, а побег мог подтвердить его виновность и привести к дальнейшему преследованию. Церетели отец не забыл и после советизации привлек к работе в ЧК. К сожалению, в 1953 году Церетели расстреляли как сообщника Берия.

– Теперь много говорят и пишут о том, что Берия причастен к контрреволюционному восстанию 1924 года в Грузии...

– По долгу службы (в то время он занимал должность начальника оперативной части и зампреда ЧК Грузии) отец был осведомлен о меньшевистских приготовлениях. ЧК настолько подробно знала о готовящейся акции, что она заранее была обречена на провал.

– Так неумело действовали меньшевики или так умело работала ЧК?

– Я сказал бы, что неумело действовали меньшевики. Среди них, конечно, достаточно было профессионалов, но ошибка их заключалась в том, что в конспиративную работу вовлекли такое большое количество людей, что контролировать их поступки было невозможно. Короче, несколько поторопились, нарушив правила игры. Чтобы избежать кровопролития, отец, с разрешения Орджоникидзе, сыгравшего весьма неблагоприятную роль в дальнейших событиях, ор-

ганизовал умышленную утечку информации, намекнув, что ЧК знает все: и дату выступления, и местонахождение арсеналов оружия, и маршруты его ввоза и т. д. Однако большинство меньшевистских руководителей не поверило и направило в Грузию Валико Джугели, командующего национальной гвардией, умного человека и настоящего рыцаря. О его появлении отец узнал сразу и через надежного сотрудника еще раз предупредил о бессмысленности восстания. Он требовал, чтобы Джугели немедленно покинул страну и убедил сообщников в неизбежности поражения. Джугели пренебрег предупреждением. Наоборот, он решил прогуляться в центре Тбилиси, по Плехановскому проспекту. Его тут же узнала какая-то женщина и сообщила в ЧК. Открыто заступиться за него отец не мог. Уже из заключения Джугели послал предупреждение, но его восприняли как фальшивку. Восстание провалилось, а над Грузией прокатилась волна жестоких репрессий. Увы, тогда правил Грузией не Лаврентий Берия...

– Генерал Дмитрий Волкогонов в своей книге «Триумф и трагедия» излагает свою версию знакомства Берия со Сталиным. Как будто бы они познакомились в 1929–1930 годах в Цхалтубо. А. Антонов-Овсиенко считает, что знакомство произошло в 1924 году, когда Генсек принимал ответственных работников грузинского ЦК и ГПУ после победы, так сказать, над путчистами. Первая встреча с вождем – это веха, определившая всю дальнейшую жизнь Лаврентия Павловича. Он наверняка рассказывал вам об этом...

– Из семейных преданий я знаю, что отца как перспективного работника Сталину представил Орджоникидзе в 1921 году, сразу после установления Советской власти в Грузии. Тогда, как известно, Иосиф Виссарионович приезжал в Тбилиси.

– В ноябре 1931 года Лаврентий Берия становится вторым секретарем Закавказского краевого комитета ВКП(б) и первым секретарем ЦК КП(б) Грузии, а год спустя – первым секретарем ЗКК ВКП(б) и ЦК КП(б) Грузии. Так начинается его партийная карьера. Как вы полагаете, чем объясняется такой служебный взлет вашего отца?

– Вы будете удивлены, когда я скажу вам, что отец все время хотел уйти и из ЧК, и из ЦК. Он мечтал завершить учебу, стать инженером и добиться успехов в этой области. После училища он экстерном сдал экзамены и закончил три курса строительного факультета Бакинского политехнического института. Мать вспоминала, что и после ликвидации Закавказской федерации, будучи секретарем ЦК, отец просился на учебу. Но к тому времени он уже считался опытным кадровым работником и, естественно, его не отпустили. Следует отметить, что отец был человеком увлекающимся и старался основательно вникнуть в суть того, что делал. Например, когда в Грузии взялись осушать колхидские болота и культивировать там субтропические растения, он специально изучил все, связанное с их выращиванием. В его неудержимом стремлении к самообразованию я сам убедился, когда уви-

дел, какими знаниями он овладел в сфере ракетостроения, производства атомной и водородной бомбы, как он профессионально спорил с крупными учеными, выясняя технические подробности того или иного вопроса. Отец самостоятельно выучил английский, французский и немецкий языки. На этих языках он мог читать любую литературу. По-русски отец говорил с грузинским акцентом, но писал абсолютно грамотно. Часа два-три с утра он всегда работал, читал различные материалы; но не за письменным столом, а обычным, хотя имел прекрасный кабинет. В общей сложности, за день набегало 300–400 страниц, включая сводки ТАСС, донесения разведки. Читал он, как правило, с карандашом и блокнотом в руках, делая какие-то выписки, заметки. Этим я хочу подчеркнуть, что Лаврентий Берия не был таким невеждой, как его представляют. И при его назначении, по всей вероятности, учитывались его деловые качества.

– Говорят, что выдвигенке Л. Берия на высшую партийную должность определенная часть населения и интеллигенции Грузии встретили в штыки. Более того, утверждают, что цековские работники, протестуя, не вышли на свои рабочие места, и Мамин Орахелашвили пришлось их уговаривать: мол, одумайтесь! Берия – выдвигенец Сталина! Это правда или выдумка недругов?

– Боюсь, что уже нет в живых тех свидетелей, кто мог бы подтвердить или опровергнуть эти слухи. У меня есть сведения, что сколько-нибудь значительного неприятия не было.

Лишь некоторые люди, старшие по возрасту и имеющие действительно больший вес в партии, высказывали свою обиду по поводу того, что секретаря назначили, не спросив их мнения. Буду Мдивани, например, не скрывал, что старые большевики рассматривали Берия как способного человека, но не как лидера республики и края. Причина была, конечно, не только в возрасте. Партийные чиновники не считали работу в политической полиции равнозначной работе в партаппарате. Однако они упускали то обстоятельство, что, если ЧК сама по себе малопривлекательна, то люди, работающие там, более информированные и более осведомленные о реальных настроениях масс и способные прогнозировать события.

– Судьбоносным для Лаврентия Берия стал его доклад на собрании тбилисского партактива «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье», сделанный им 21–22 июля 1935 года. Восхождение Л. Берия на Олимп власти связывается именно с этим докладом, ибо в нем восхвалялось революционное прошлое И. В. Сталина. Однако поговаривают и о том, что доклад, ставший потом книгой, партийным бестселлером, писал не Лаврентий Берия и что настоящие авторы вскоре были уничтожены...

– Если говорить об Олимпе, то отец тогда уже находился на нем...

– Я имею в виду его перевод в Москву на более высокие посты, приближение к вождю, вхождение в Политбюро...

– Должен вас разочаровать: то, что книгу писало несколь-

ко человек, никто никогда не скрывал.

– Почему же тогда ее авторов уничтожили?

– Был репрессирован, к сожалению, Эрик Бедия, директор Тифлисского филиала ИМЭЛ, очень симпатичный и талантливый человек. Я помню его открытое и веселое лицо, он часто бывал в нашем доме, беседовал с отцом. Приходили и другие помощники, ведь доклад был коллективным трудом, его писали вместе, сверяя материалы, обсуждая. Доклад делался от имени ЦК, но у нас до сих принято считать автором докладчика, не усматривая в этом ничего зазорного. Так было и тогда.

– Существует предположение, что доклад появился по заказу Сталина...

– Прямой заказ вряд ли был, хотя не являлось секретом недовольство Сталина поведением его грузинских соратников Буду Мдивани и Филиппа Махарадзе, пытавшихся приукрасить свои дореволюционные заслуги и затмить молодого Джугашвили, не имевшего до Октября того авторитета в партии, который впоследствии он приобрел. В этом плане доклад действительно подчеркивал роль Иосифа Виссарионовича в создании Закавказской большевистской организации. Однако я знаю, например, что братья Стуруа, революционеры с не меньшими заслугами, чем тот же Мдивани, очень высоко оценивали деятельность Сталина того периода.

– Как могло случиться, что Эрика Бедия, о котором вы так тепло отзываетесь, расстреляли? Неужели Лаврентий Павло-

вич не мог его уберечь?

– В начале репрессий распоряжения шли исключительно из Центра. Все было сильно централизовано. Все решали руководящие органы ВКП(б), а не Ягода, Ежов, НКВД вообще.

– Неужели они знали, кто чем занимается?

– Они имели собственные каналы информации и посылали в республики свои директивы. Отец, когда речь шла о близких людях, обращался непосредственно к Сталину. Скорее всего, он писал ему, ибо позвонить вождю было не так просто. Отец несколько раз ездил к нему, чтобы доказать незаконность ареста некоторых товарищей. Тогда был еще жив Орджоникидзе, способствовавший переходу отца на партийную работу. Орджоникидзе и сказал отцу: «Сиди тихо и не высывайся; на тебя есть документы похуже, и если начнешь бороться за справедливость, в первую очередь загремишь сам». Об этом мне рассказывала мама, присутствовавшая при этом разговоре. Серго был эмоциональным человеком и очень страдал, наблюдая происходящее. Мне обидно, что сегодня его называют врагом грузинского народа.

Почему-то наивно рассуждают: если бы не Орджоникидзе, XI армия не вошла бы в Грузию. Еще как бы вошла! С Ивановым, Петровым, Сидоровым... но все равно вошла бы! Другое дело, что он допустил ряд других стратегических ошибок...

– Извините, а орден за взятие Тбилиси – тоже ошибка?

Ведь страшно грузину получить такую награду!

– Полностью с вами согласен. Но мне все-таки кажется, что Серго старался сыграть положительную роль, сглаживая острые процессы, происходящие в стране. Это мое мнение...

– Мне не совсем понятно, как при сердечной дружбе с Орджоникидзе Лаврентий Павлович мог содержать в тюрьме его брата Папулию, которого, кажется, позже расстреляли.

– Я хорошо знал Папулию Орджоникидзе, ибо мы жили в одном доме. Он всегда занимал видные посты, но был больше известен как кутила, охотник и вообще прожигатель жизни. Серго он иначе, как, извините, дерьмо, не называл. Социализм он ругал на чем свет стоит...

Серго хорошо был осведомлен о буйствах Папулии. Он обижался на него и, приезжая в Тбилиси, демонстративно останавливался у нас. Возможно, с сегодняшней точки зрения, Папулию сочли бы демократом, но в те времена поношение существующего строя не прощалось даже брату того, кто этот строй возводил и возглавлял.

– Я все же хочу вернуться к предыдущему вопросу: кто знал в Москве, что в Тбилиси, к примеру, есть какой-то Эрик Бедия, которого непременно надо расстрелять?

– Особая агентура могла доложить в столицу о неофициальных, идущих вразрез с политикой партии высказываниях Бедия. Такой «улики» тогда вполне хватало для приговора. Должен заметить: беда нашей интеллигенции состояла – и состоит! – в том, что она много рассуждает и мало действует.

– 1937 год стал годом трагическим для грузинской культуры: были репрессированы такие корифеи, как М. Джавахишвили, Т. Табидзе, С. Ахметели, Е. Микеладзе, застрелился П. Яшвили... Как бы вы сами определили степень вины или ответственности за их судьбу тогдашнего первого секретаря ЦК республики?

– Понимаете, я был тогда в таком возрасте...

– Кстати, какого вы года рождения?

– 1924-го.

– Ну а с высоты сегодняшних ваших знаний и представлений, что вы можете сказать об этом?

– Мог ли отец приостановить процессы, направляемые Москвой, мне трудно сказать. Знаю, что многих ученых, получивших образование в Германии и попавших под подозрение, он пытался спасти. Мать вспоминала, что отец советовал им: «Займите какие-то скромные должности, вас нужно сохранить для Грузии». Именно благодаря отцу остались в живых некоторые писатели и философы; например, Константина Гамсахурдия, Шалва Нуцубидзе...

– Нуцубидзе ведь сидел в тюрьме?

– Он «сидел» в своей московской квартире и переводил на русский язык «Витязя в тигровой шкуре» по рекомендации моего отца... Отец убеждал Шалву: «Переведи поэму, ты же блестящий поэт... Мы покажем твою работу Иосифу Виссарионовичу – душа грузина не сможет на нее не отреагировать...». И в самом деле, – вы об этом наверняка знае-

те, – Сталин живо заинтересовался переводом Нуцубидзе и стал его фактическим редактором... Позже Шалва Нуцубидзе, человек смекалистый и остроумный, постоянно подчеркивал, что Сталин даже помог ему перевести одну строфу. Однако никогда не указывал, какую именно... Критики, опасаясь случайно задеть сталинскую правку, восхваляли весь перевод! Правда, он заслуживал похвалы и без этой маленькой хитрости переводчика.

– Я вижу в вашей библиотеке книги Константина Гамсахурдиа. Вы рассказывали, что он часто бывал в вашей семье, дружил с вашим отцом. Чего там скрывать – кое-кто склонен объяснять тайное покровительство Гамсахурдиа «мингрельским патриотизмом» Берия...

– То, что отец равнодушно относился к Мингрелии, как говорится, к своей малой родине, однозначно. Он разговаривал с мамой до конца дней своих по-мингрельски. Это было их естественной потребностью. То, что отец интересовался историей колхов, лазов, мингрелов, – тоже факт.

Возможно, он ценил Гамсахурдиа прежде всего как превосходного знатока и неистового певца этой истории. Вместе с тем отец не раз советовал писателю, скажем так, порвать со своим буржуазно-декадентским прошлым. Были у него и более резкие выступления в адрес Гамсахурдиа. Вообще же отец был против мингрельского сепаратизма. Я хорошо помню седобородого Исака Жвания, человека, одержимого идеей мингрельской автономии.

– Он даже газету издавал на мингрельском!

– Вот-вот! Однажды мы всей семьей заехали в Зугдидский краеведческий музей – отец ездил по Западной Грузии в связи с осушением колхидских болот, – и там впервые увидел Жвания. Он упрямо спорил с отцом, доказывал свою правоту, не вникая никаким доводам о вреде мингрельской автономии. Как я сейчас понимаю, «мингрельское дело», состряпанное в 50-е, началось с провоцирования таких наивных, по-своему честных и порядочных людей, как Исак Жвания. В грузинской ЧК, по-видимому, существовали силы, связанные с Ягодой, а потом и с Ежовым, которые были заинтересованы в устранении отца. Собрав веские компроматы, они выступили бы против Берия. Этим «делом» активно занимался, как потом выяснилось, наркомвнудел Грузии Киладзе.

– Вернемся все-таки к прежнему вопросу: о роли Берия в судьбе грузинской интеллигенции...

– Мне очень трудно на него ответить. В 1937 году отец был руководителем республики и в любом случае он несет ответственность за события, произошедшие там, хотя я доподлинно знаю, что далеко не во всем он виноват. Обратимся, например, к трагедии Сандро Ахметели. Отец относился с большим уважением к нему как очень талантливому художнику. Но в театре имени Шота Руставели, где Ахметели работал художественным руководителем и главным режиссером, были, как и в любом театре, склоки. Такие крупные

актеры, как А. Хорава и А. Васадзе, активно выступали против него, однако эти выступления носили скорее не личностный, а политический характер. Если поднять документы тех лет, которые послужили поводом для репрессий против С. Ахметели, то, боюсь, что главным виновником окажется не Берия...

– Допустим, Ахметели «заложили» собственные коллеги, но как быть с тем же М. Джавахишвили? Я читал мемуары его дочери, где она замечает, что «дело» отца – это полстранички, где нет ничего, кроме прямого обвинения писателя в шпионаже в пользу немецкой разведки.

– Из рассказов матери мне известно, что здесь не обошлось без личного участия Иосифа Виссарионовича, пристально следившего за грузинской литературой и имевшего собственную точку зрения о ее деятелях. О Джавахишвили он высказывался как грузинским, так и союзным руководителям.

– Вы хотите сказать, что к казни Михаила Джавахишвили причастен сам Сталин?

– Непосредственно. Его судьба была предрешена в Москве, а не в Тбилиси. Я затрудняюсь объяснить, почему у Сталина возникло такое решение, но ручаюсь, что этот случай не был единичным. Возможно, и другие деятели стали жертвами его подозрительности. Говоря об этом, я одновременно не стремлюсь оправдать моего отца: в конце концов, если он не был согласен, мог бы отказаться от должности,

подав в отставку. Он этого не сделал.

– В своем отчетном докладе на X съезде КП(б) республики 15 мая 1937 года Лаврентий Берия говорил: «В группу «Голубые роги» входили: П. Яшвили, Т. Табидзе, В. Гаприндашвили, Н. Мицишвили, Г. Леонидзе и другие. Эта группа организовалась еще в 1916 году. Название «Голубые роги» в переносном смысле должно было означать творческое опьянение, но в жизненном быту этот девиз нередко осуществлялся в пьяных кутежах. *(Смех в зале.)*

...К. Гамсахурдиа, мировоззрение которого определялось воинствующим национализмом с ясно выраженной фашистской окраской, в последнем своем произведении «Похищении луны» попытался отойти от этих своих старых идейных позиций и дать большое художественное полотно о нашей социалистической действительности. Но это ему удалось пока что очень слабо.

Если К. Гамсахурдиа хочет стать советским писателем, он должен освободиться от своих буржуазно-дворянских националистических идей и настроений, ближе стать к нашей социалистической действительности и свои крупные творческие возможности поставить на службу грузинскому трудовому народу.

В группу «Арифioni» входили писатели М. Джавахишвили, Ш. Дадиани, О. Шаншиашвили, Л. Киачели, Г. Кикодзе, И. Мосашвили и другие. Она возникла в 1928 году. «Арифi» по определению одного из участников группы – Г.

Кикодзе, – это сотрапезник, а арифioni – союз подвыпивших людей. (*Смех в зале.*)

Есть в среде грузинских писателей и работников искусства отдельные лица, которым следует пересмотреть свои связи с врагами грузинского народа... Например, Павле Яшвили, которому уже за 40 лет, пора взяться за ум.

Серьезно подумать над своим поведением не мешало бы также Гамсахурдиа, Джавахишвили, Мицишвили, Шеварднадзе и еще кое-кому.

...Перечисленные мною писатели должны знать, что от их дальнейшего поведения, от того, как быстро они перестроятся и осудят свои прошлые дела и связи, зависит отношение к ним нашей партии и советской власти».

Еще одна цитата из отчетного доклада Л. П. Берия на XI съезде КПб) Грузии 16 июня 1938 года: «Советские писатели Грузии очистили свои ряды от гнусных предателей и шпионов – всех этих Джавахишвили, Мицишвили, Яшвили, Т. Табидзе и других, которые, являясь агентами международного фашизма и умело маскируя свое подлинное вражеское лицо, предавали Советскую Грузию и грузинский народ. В литературных организациях исчезли остатки буржуазно-националистических группировок».

Больно и обидно читать подобное в адрес крупных мастеров и искренних патриотов родной земли!..

– Поверьте, и мне тоже больно. Эти доклады действительно читал мой отец, но отчет-то принадлежал не только ему,

а всему ЦК. Мы уже отмечали, что такой отчет являлся коллективным трудом. Вместе с тем, я могу назвать целую подборку разгромных статей о вышеупомянутых авторах, опубликованных в те годы. И написали их известные и влиятельные критики. Ответственность за гибель многих замечательных деятелей культуры лежит на их совести тоже.

– Мне приходилось слышать, что и самого Лаврентия Павловича собирались арестовать, но он сумел добраться до Москвы и убедить Сталина в своей невинности...

– Собирались, и не один раз... Первый раз попытался это осуществить Станислав Реденс, начальник ЗакЧК, деверь Сталина, муж сестры Надежды Аллилуевой. Но тогда вмешался Орджоникидзе, и все обошлось благополучно.

– Поговаривают, что Лаврентий Павлович ловко отомстил Реденсу, подстроив ему какую-то ловушку с женщиной.

– Подстраивать Реденсу ловушки, да еще с женщиной? Он был по своей натуре пьяницей и бабником. Дамы легкого поведения так и льнули к нему. Он сам оскандалился после очередной попойки, без чьей-либо помощи... Посрамленного победителя женских сердец вскоре перевели на работу в Белоруссию.

– Какие еще происки против Лаврентия Павловича известны вам?

– Второй раз отца попытался заложить сам Ежов. Был такой Кудрявцев, второй секретарь ЦК КП(б) Грузии, так как во все времена в союзных республиках вторыми секретаря-

ми назначали русских, наверное, для надзора над первыми. Однако Кудрявцев находился под сильным влиянием отца. Вдруг этого русского товарища переводят на Украину, а через некоторое время берут под стражу. Его избивают и калечат с единственной целью: получить показания на Берия. Но Кудрявцев оказался порядочным человеком: против Лаврентия Павловича он не произнес ни слова. Ежов арестовывал и других людей, способных, по его мнению, оговорить Берия...

– Чем вы объясняете такие действия Ежова? Что это – личная неприязнь к Лаврентию Павловичу или профессиональное предчувствие реального соперника?

– Ежов был далеко не глупый человек. Он многие годы провел в ЦК, хорошо разбирался в партийных хитросплетениях и понимал, кем его мог заменить Сталин в случае немилости.

– В Тбилиси всем знаком фешенебельный особняк на улице Мачабели, где располагался до недавнего времени штаб грузинского комсомола. Однако он известен и как бывший дом Лаврентия Берия...

– Мы жили в обычном доме на Каргановской, что по Верийскому спуску, и занимали в нем обычную квартиру из четырех комнат. Но вот к нам пожаловал Иосиф Виссарионович...

– Когда это было?

– Когда он свою мать навещал, в 1936 году.

– И вы тогда впервые увидели живого Сталина?

– Да.

– А что запомнилось из первых впечатлений?

– Родители еще отдыхали на Черном море, а я вернулся в город, потому что начался учебный год. Неожиданно они тоже возвращаются, и мама устраивает дома невообразимую суматоху. А на второй день к нам приходит Сталин. Увидев маму, он удивленно спросил: «Нино, почему ты здесь, а не в Гагре? Как узнала, что я приеду?» Он был очень недоволен, что отец отозвал маму в связи с его приездом. Когда Иосиф Виссарионович вошел, меня куда-то затолкали, но я не выдержал и вскоре вышел: мне минуло лишь двенадцать, и я не очень разбирался в этикете. Сталин поздравил к себе.

– На грузинском языке?

– Да. Он прекрасно говорил по-грузински. У меня к нему как человеку простое отношение. Но об этом позже. Ну, я его рассматривал как божество, а он обнял меня и сказал: «Ты такой же большой, как моя Светлана. Я пришлю ее, чтобы вы познакомились». На этом наш разговор закончился.

– А какое отношение имел приезд Сталина к дому на улице Мачабели?

– Прямое. Тогда, оказывается, Иосиф Виссарионович сказал отцу: «Живешь скромно. Молодец! Но руководитель республики должен иметь хорошую квартиру». И Сталин отдал указание построить тот дом. Нашими соседями были

секретарь ЦК Грузии Кекелия и Гриша Лрютюнов, работавший тогда то ли в ЦК, то ли в горкоме партии.

– Кто был вашим соседом на старой квартире?

– Рапава.

– Которого расстреляли?

– Да. Но с ним собирались расправиться еще в 1937 году.

Он был женат на племяннице Ноя Жордания – президента меньшевистской Грузии. Однако тогда ему удалось спастись.

– Правда, что из особняка Берия ходил в ЦК по специальному туннелю?

– Это выдумка. Ничего подобного не было. Пешком он ходил, в сопровождении охранника. Но и на машине, бывало, ездил в ЦК.

– Как складывались взаимоотношения между отцом и матерью? Каким был Лаврентий Павлович дома?

– Возможно, на фоне существующих стереотипов это прозвучит неправдоподобно, но отец был очень мягким человеком. На работе суровый и настойчивый, дома он проявлял ласковый и уступчивый характер. Не помню, чтобы отец повысил на меня голос или наказал. Он уделял огромное внимание моему воспитанию – интеллектуальному и физическому. Подбирал мне книги, журналы, советовал, что прочитать, что посмотреть. К маме он относился очень нежно, хотя, правда, бывали случаи, когда я становился свидетелем их споров, связанных с внешними событиями, с работой отца, с политикой. Мама не понимала, как отец может оставаться на

своей должности, когда вокруг происходят такие ужасы. Однажды она в моем присутствии заявила, что их дальнейшая совместная жизнь невозможна, что она уйдет и заберет меня: мама не могла примириться с царящей в стране атмосферой, поэтому ссоры возникали часто. Она категорически отказывалась ехать в Москву. Отец вынужден был подчиниться решению Политбюро, а мы с мамой остались: мы были против переезда.

– Вы не сразу переехали?

– Я продолжал учиться в первой тбилисской школе.

Мама твердила, что я должен стать образованным и полезным для родины человеком. Шалва Нуцубидзе как бы взял надо мной шефство. Он приходил к нам почти через день, обучая меня азам мифологии, философии, словесности. Шутя, он говорил маме: «Мы из него националиста сделаем!»

Но когда Иосиф Виссарионович узнал, что мы с мамой отказываемся переезжать, он рассердился и прислал в Тбилиси начальника своей охраны генерала Власика. Не успев переступить порог, тот сразу объявил, что через 24 часа мы отправляемся в Москву. Так и произошло...

– В детские и юношеские годы людям свойственна чрезмерная гордость, даже хвастовство. Нередко от молодых ребят слышишь: мой папа может... мой папа сделает... У вас, сына в самом деле всемогущего отца, не было внутреннего ощущения собственного превосходства над своими ровесниками, не появлялся соблазн бросить им: «Мой папа...».

– Такое поведение противоречило бы моей человеческой натуре. Мне и в голову не приходило ставить себя выше кого-либо! Работу отца я считал обычным делом, которым он занимался по долгу службы. Так считал, кстати, не я один, а миллионы советских людей.

– Случались ли ссоры из-за супружеской неверности? Ведь не секрет, что ходят самые фантастические слухи о Лаврентии Берия как половом гиганте, сексуальном маньяке, жертвами которого сначала становились грузинские красавицы, а потом и чуть ли не всего Советского Союза!..

– Мне кажется, что слухи об этом сильно преувеличены. Отец был абсолютно нормальный мужчина и поддерживал с матерью искренние отношения. Правда, как мне известно, в Тбилиси он влюбился в одну красавицу из знатной семьи, и закончилась эта интрижка приличным скандалом, устроенным матерью.

– А как же быть тогда с утверждениями, что у начальника личной охраны Лаврентия Павловича полковника Рафаэля Саркнсова обнаружили список с двадцатью тремя любовницами шефа? Как же объяснить наличие множества предметов женского туалета в его рабочем кабинете? Я где-то вычитал, что число амурных страстей Берия равняется 214...

– Пусть эта арифметика останется на совести тех, кто, подобно евнухам, занимался столь ревностным подсчетом чужих любовниц. Я не намерен обсуждать этот вопрос, но раз он прозвучал, отвечу: сфабриковать списки или подбро-

свить «вещдоки» в кабинет нейтрализованного хозяина, как вы понимаете, не составляло никакой сложности для сотрудников госбезопасности. И не забывайте, что многие женщины-агенты из отцовского ведомства предпочли признать себя любовницами, чем осведомителями тайной полиции.

– И все же образ Берия-ловеласа тиражируется широко. Например, я видел американский многосерийный видеофильм «Красный монарх», в котором демонстрируются любовные похождения Лаврентия Павловича.

– В кино можно показать все, что угодно. В действительности многое иначе. Я всегда жил вместе с отцом и не помню, чтобы он ночевал вне дома, кроме командировок, конечно. Домой он, естественно, никого не приводил. Другое дело, если подобным можно заниматься в рабочее время.

– А разве нельзя, если очень захотеть?!

– Если очень захотеть, то да, но ведь и ограничения были большие... Отец с исключительной ответственностью относился к возложенным на него обязанностям, пристально следил за выполнением каждого решения. Времени для утех почти не оставалось.

– А внебрачных детей у Лаврентия Павловича не было? – Однажды отец познакомил меня с маленькой симпатичной девочкой и сказал: «Ты – взрослый парень и должен знать: это твоя сестра!». В ответ я ему предложил: «Давай удочерю!» Он рассмеялся: «Не фантазируй... У нее есть мать!»

– Лаврентий Павлович заботился о них?

– Безусловно. Но мама ничего об этом не знала.

– До самого конца?

– Да, до конца дней своих... Я никогда не обмолвился ни одним словом... И следил за судьбой девочки: сестра все-таки! Но поскольку они жили в гораздо лучших условиях, чем я мог предложить, то я не навязывался...

– Мать вашей сводной сестры жива?

– Да. Она оказалась совестью женщиной: всем визитерам, предлагавшим ей написать разоблачительную книгу о Берия, указывала на дверь.

– Вы поддерживаете с сестрой связь?

– Нет, я решил так: если она захочет, то всегда сможет меня найти. Материально она вполне обеспечена, и грузины ее постоянно поддерживают.

– Она намного моложе вас?

– Она ровесница моей старшей дочери. Считает себя грузинкой, хотя и носит русскую фамилию.

– Замужем?

– Развелась.

– Батоно Серго, мы говорим о грузинском периоде вашей жизни. Давайте завершим эту часть беседы...

– Кажется, я не упомянул о том, что закончил семь классов немецкой средней школы, организованной тбилисскими немцами. Все предметы преподавались на немецком языке, однако грузинский язык и литературу изучали в полном объеме.

– Немецким языком овладели хорошо?

– Я овладел им еще в дошкольном возрасте.

– Вас обучали целенаправленно?

– Да. Родители очень хотели, чтобы я знал иностранные языки, поэтому с четырех лет изучал немецкий, с пяти – английский. Этими двумя языками владею в совершенстве.

– В этой школе учились дети простых смертных или... – Школа была самая обыкновенная, никакой элитарности. «Элитарность» сводилась к тому, что в 1937 году большинство учеников осталось без родителей.

– Сохранились какие-то отношения с бывшими одноклассниками?

– Тесных контактов нет, но все же кто-то напишет, кто-то навестит... Время и события разъединили нас, да и возраст берет свое.

– Когда генерал Власик привез вас с матерью в Москву, отец уже был обустроен, в бытовом смысле, разумеется?

– Имел обыкновенную квартиру. Дом, в котором мы должны были жить, ремонтировался. Несколько месяцев провели в так называемом доме правительства на Набережной. Предлагали квартиру в Кремле, но отец отказался.

– Значит, вам в Кремле не довелось жить?

– Нет, но у меня был пропуск в Кремль, и я мог там бывать, когда хотел.

– Где вы учились в Москве?

– В обыкновенной русской школе.

– Отец принимал участие в выборе вашей будущей профессии?

– Я говорил вам, что сначала он мечтал увидеть меня художником, потом начал ориентировать на технику. Как-то он велел пойти в гараж и из старых частей собрать автомобиль. Отец хотел, чтобы я не только умел баранку крутить, но и знал, из чего состоит машина. Я два года с помощью механика собирал старый «форд». Отец подсказал мне заняться радиоделом, и я посещал дом техники. По окончании школы у меня уже была зарегистрирована радиостанция. Знание радиодела и языков сыграло потом определенную роль в моей судьбе.

– Вы в каком году окончили школу?

– В самом начале войны. Семнадцать мне исполнилось в ноябре 1941 года...

– «Сороковые, роковые...» – это и о вас?

– К сожалению. Я сразу пошел в райком комсомола, чтобы записаться в добровольцы. Заполнил анкету, в которой указал, что являюсь радиолюбителем. Тогда как раз подбирали людей в школу десантников. Вдруг кто-то обратил внимание на мою фамилию и спросил, какое отношение я имею к Лаврентию Павловичу. Ответил, что никакого. Мне возразили: мол, даже отчество совпадает... Но все же зачислили. Дома, за обедом отец одобрил мое решение.

– Доложили?

– Разумеется. И мама не возражала: «Война – такое дело,

что стыдно прятаться за юбку».

– Как складывалась ваша военная карьера?

– Окончив школу десантников, я получил звание лейтенанта и приступил к службе по линии радиосвязи. Находился в армейском подчинении у полковника С. М. Штеменко.

– В свое время считалось, что Лаврентий Берия сыграл значительную роль в организации обороны Кавказа.

Сегодня эту роль сводят к инспекторским поездкам, якобы вносящим нервозность в действия командования: шума много, а дел мало!

Генерал Д. Волкогонов в книге «Триумф и трагедия» пишет: «Боевые действия Берия в Великой Отечественной войне фактически ограничиваются двумя его поездками в качестве члена ГКО на Кавказ в августе 1942 – в марте следующего года. Архивы свидетельствуют: здесь он от имени Сталина нагонял страх на военных работников, на ему неугодных людей, расстреливал. Сопровождали его и тех поездках Кобулов, Мамулов, Мильштейн, Цанава, Рухадзе, Влодзимирский, Каранадзе и его собственный сын. Досталось Тюленеву, Серпу, Петрову, другим военачальникам». Прокомментируйте, пожалуйста, этот отрывок.

– Отца сопровождали не Кобулов, Мамулов и другие перечисленные лица, а чисто военные чины. В августе 1942-го члена ГКО Лаврентия Берия сопровождали генерал Бодин, полковник Штеменко, другие оперативные работники Генштаба Красной Армии. Кроме того, были срочно отозваны

военные кадры грузинской национальности, в основном, в звании полковников и генералов.

Читаю воспоминания С. М. Штеменко, и перед глазами встает тот далекий день нашей отправки в Грузию:

«Утром в назначенное время поехали на машине Бодина на Центральный аэродром. Там нас уже ждал самолет Си-47. Бодину откомендовался командир корабля полковник В. Г. Грачев.

Летели в Тбилиси через Среднюю Азию. Прямой путь туда был уже перекрыт немцами. В Красноводске приземлились вечером, а когда совсем стемнело, двинули через Каспийское море на Баку, Тбилиси.

В Тбилиси сели почти в полночь и с аэродрома отправились в штаб фронта. Город еще не спал...»

По известным причинам Штеменко «упустил», что мы летели на личном самолете отца, а полковник Грачев был его шеф-пилотом.

– Среди сопровождавших Берия упоминаются Цанава, Рухадзе, Какучья...

– Нет, эти люди к военному делу не имели никакого отношения. Они служили в НКВД, в особых армейских отделах, действовавших в тылу, обезвреживая диверсантов.

– А как насчет военачальников, которым «досталось»? – Генерал Тюленев в одно время командовал ЗаКВО и дружил с моим отцом. Этот высокообразованный и интеллигентный человек, начавший свой боевой путь кавалерийским офице-

ром и командиром Красной Армии вместе с М. Буденным, окончил две академии, учился во Франции. Тюленев подерживал решения отца и никаких разногласий не возникало. Не подвергались репрессиям и другие командиры. Правда, с согласия ГКО отец снял с должности Буденного, который буквально дезертировал с поля боя, бросив управление армией. Буденный пытался прорвать пограничные заслоны, публично заявляя, что немцев не остановить и нечего спасать мандариновые рощи Кавказа. Из-за своей некомпетентности в современном бою он не способен был командовать не то что армией, а даже маленьким подразделением. Тогда же по представлению отца, в ГКО отозвали члена военного совета Л. Кагановича.

За весь период нашего пребывания на Кавказском фронте, никто не был репрессирован. Вспоминается один случай, когда без приказа сверху командир расстрелял перед своей частью молодого офицера, испугавшегося наступления немецких танков и сдавшего позицию. О Петрове и других: в моем присутствии неоднократно собирались командиры частей, ведущих бои на перевалах и на подступах к ним, в том числе очень известные в дальнейшем полководцы Гречко, Леселидзе и др., и отец спокойно разбирал с ними вопросы, как военного, так и организационного характера.

- Говорят, что Берия, находясь на Кавказском фронте, ввел для радиопереговоров мингрельский язык. Это правда?
- Такие случаи носили эпизодический характер – не мог-

ли же радистами быть только мингрелы!

– Каковы заслуги Лаврентия Берия, на ваш взгляд, и том, что в те трудные дни Кавказ выстоял и враг был изгнан оттуда?

– Отец приехал на фронт в критический момент, когда командование пребывало в полнейшей растерянности. Немцы довольно глубоко проникли в тыл, захватили Клухорский, Марухский, Мамисонский перевалы. Мне было тогда восемнадцать лет, и я занимал незаметную должность, но видел и слышал многое, что происходило вокруг. Позже мне рассказывали о тех же событиях Подин и Штеменко. Поэтому кое-какие выводы, пусть не всеобъемлющие, я способен, наверное, сделать.

Первое: вместе с товарищами из Генштаба, при огромной поддержке местного населения отцу удалось нормализовать обстановку.

Второе: отец смог получить от Сталина необходимые резервы. Так, на Кавказский фронт были переброшены войска из Ирана, введенные туда в ответ на действия англичан, а также пограничные части из Дальнего Востока. Их участие в боях решительным образом повлияло на ход операций, завершившихся нашей победой.

Третье: по предложению отца, были сформированы небольшие группы, вооруженные бесшумными снайперскими винтовками. В то время только появлялись специальные звукогасители, к которым позже прибавились инфракрасные

прицелы. Эти группы устраивали засады офицерской разведке противника.

– Вы как-то упомянули, что до поездки на Кавказ принимали участие в двух операциях...

– Став десантником, я вошел в боевую тройку, где со мной были два радиоконструктора, немцы по происхождению. Нам должны были забросить в северо-восточную Германию, в район Пенемюнде, где находился научно-конструкторский центр баллистических ракет, возглавляемый фон Брауном. О существовании этого центра я слышал и раньше: отец, не называя источников информации, рассказывал о технических новшествах, обнаруженных нашей разведкой у немцев, англичан и американцев. Как-то я услышал и о разработке немцами новых ракет на Пенемюнде. Когда нам вручили карты этой местности, я понял, о чем идет речь. Подготовку проводили очень тщательно, и по ней было видно, что там мы имеем немало агентов.

– Это было в 1941 году?

– В начале зимы 41-го. К тому времени наступление немцев под Москвой окончательно захлебнулось. Мы вылетели к намеченной цели на петляковской машине. Внизу простиралось окутанное туманом Балтийское море: даже на бреющем полете ничего нельзя было рассмотреть, поэтому выброситься нам не разрешили. Через три-четыре дня мы предприняли вторую попытку. Целый час кружили над заданным районом, но вновь последовал приказ о возвраще-

нии назад: оказывается, произошел провал явки. В конце концов, послали нас туда довольно сложным путем – через иранский Курдистан, где уже были налажены контакты. Из Ирана нам предстояло попасть в Турцию, а оттуда, с помощью курдов, переправиться в Германию. По ходу операции не все получилось, как было задумано, и лишь одному из нас удалось добраться до цели.

– В чем заключалась его задача?

– Внедриться в упомянутый центр. После войны стало известно, что мой немецкий товарищ вместе с группой фон Брауна уехал в США.

– Он открылся ему?

– Нет. Он был очень крупным специалистом и, по нашему заданию, примкнул к группе Брауна.

– Фамилию того немца помните?

– Помню, конечно, но... Он был антифашистом и боролся в подполье, а попал к нам, по всей вероятности, через разведку.

– Его завербовали?

– Знаете, к тому времени этот термин не очень применим: люди действовали и жертвовали собой по идейным соображениям.

– Сколько длилась ваша «одиссея»?

– Около трех месяцев. После ухода нашего товарища мы остались вдвоем, но вскоре к нам присоединилась группа курдов и персов из десяти человек.

– Вы были радистом?

– Исключительно. Место, откуда я передавал шифровки, дважды бомбили самолеты без опознавательных знаков. Было предположение, что англичане вышибали нас из этого района как конкурентов.

– Каков был характер передаваемой вами информации? – Наша группа установила почти всю сеть немецкой агентуры в Иране. Непосредственно разведкой я не занимался, но добытые товарищами данные шли в центр через меня: я одновременно и шифровал, и передавал. Мы с ребятами переживали, что в боевых операциях не участвуем, так как не понимали сути выполняемой работы. Все разъяснилось во время Тегеранской конференции, когда наши специалисты во всем Иране чувствовали себя, как дома.

– Вас посылали на задание с ведома отца? Он не боялся, что вы можете погибнуть или попасть в плен, как это случилось с Яковом Джугашвили. Ведь сын шефа такого ведомства был бы важным козырем в руках фашистов. Что стоило отцу оставить вас в Москве?

– Да проститься мне высокопарность, но других слов я не нахожу: мы, молодые, рвались на фронт сражаться за Родину, за Сталина! Этот лозунг не был спущен сверху. Он действительно выражал истинные настроения миллионов. Не только отец, но и мать с первого дня войны благословили меня, единственного сына, на многотрудный путь защитника Отчизны.

– Вы вскользь заметили, что у вас двойное отношение к Сталину...

– Это на самом деле так. Поскольку я вырос в атмосфере обожествления Иосифа Виссарионовича как во всей стране, так и в нашей семье, я не мог не почитать его. Как мне тогда казалось, в Союзе царила всеобщая любовь к нему: ведь Сталин, при всех ужасах, раскрытых нам сегодня, был личностью выдающейся. Недаром перед ним снимали шапку и Черчилль, и Рузвельт. Решения, в правильности которых сам не сомневался, он проводил в жизнь с величайшим организаторским талантом. Встречаясь с ним многократно, в том числе и по служебным делам, я каждый раз убеждался в его умении схватить суть вопроса, сформулировать его предельно четко и точно. Сейчас с иронией отзываются о сочинениях Сталина, с содержанием которых можно соглашаться или не соглашаться, но их лаконичность и доступность читателю очевидна. Я искренне преклонялся перед ним, но, по мере того, как узнавал о его невероятных поступках и действиях, все более и более приходил в недоумение. Наконец наступил момент непонимания, а потом и неприятия тех действий, ибо вывод напрашивался один: Сталин – великий человек, но беспощадный. Он способен очаровать тебя, но, если станешь ему поперек дороги, уберет, не задумываясь, кем ты ему приходишься – братом, сыном, сватом... Так и живет во мне образ Сталина как бы раздвоенный и несовместимый: с одной стороны, мудрый державный муж с железной волей,

а с другой, коварный, вероломный и мстительный человек с низменными страстями.

Однако я категорически не разделяю логику некоторых отечественных «патриотов», для которых Кутузов, сдавший Наполеону Москву, – национальный герой, а Сталин, остановивший Гитлера под Москвой, не позволивший его солдатам ступить на землю столицы, – никто! Нечестно так рассуждать!

Сталин отлично понимал, что он стоит во главе огромной империи, которую можно сохранить только силой. Когда посол США в СССР Аверелл Гарриман намекнул Иосифу Виссарионовичу на жестокость советского режима, тот ответил: «Не забывайте, что я руковожу народом, совершившим за жизнь одного поколения три революции!» Сталин не мог допустить четвертую, направленную явно против него революцию... Ему это удалось, но какой ценой!

– Между Сталиным и вашим отцом случались конфликты, разногласия, расхождения? Лаврентий Павлович мог сказать Иосифу Виссарионовичу: «Я с вами не согласен!»

– Во-первых, отец не был со Сталиным на короткой ноге. Все эти местечковые слухи о том, что он переговаривался с ним по-грузински на заседаниях Политбюро и других совещаниях, держа в напряжении окружающих, лишены всяких оснований. Сталин уважал отца как молодого и способного руководителя, но он никому, даже Молотову, самому близкому соратнику, не позволял панибратского отношения

к себе. Однако разногласия между отцом и Сталиным были. Например, сегодня много пишут и говорят о трагедии в Катынском лесу под Смоленском, но мало кто знает, что Берия на заседании Политбюро, где решалась судьба польских офицеров, заявил, что их расстрел рассматривает как грубую ошибку. Он исходил из того, что война с Гитлером неизбежна, поэтому пленных нужно не уничтожать, а превращать в сателлитов, дабы подготовить на их базе костяк новой польской армии. Против выступили Ворошилов и Жданов. Должен отметить, что роль Жданова, как и Ворошилова, в репрессиях весьма значительна: именно он был серым кардиналом при Сталине, но правда о нем как идеологе партии замалчивается до сих пор...

– Чем мотивировалась необходимость уничтожения польских офицеров?

– Ворошилов никак не мог забыть и примириться со своим поражением в сражении с белополяками. На Политбюро он ссылался на свое знание психологии поляков, заверяя, что они все равно останутся врагами советской власти, ибо горбатого могила исправит... Жданов настаивал: раз Берия не подчиняется решению Политбюро и упрямо гнет свою линию, нужно снять его с занимаемой должности, вывести из кандидатов в члены Политбюро и поставить вопрос о его партийности. Микоян, как всегда, занял ренегатскую позицию, выжидая, что скажет Иосиф Виссарионович. Молотов отца не ругал, наоборот, похвалил за открытость собствен-

ной инициативы, но сам примкнул к большинству. Короче, как мне потом рассказывал отец, в протоколе оказались фамилии лишь тех двух, которые поддержали его: Андреева и еще кого-то... Но К. Ворошилов, который в ту пору уже не был министром обороны, предложил: поскольку Берия выказал совершенно противоположное мнение, поручить выполнение решения Политбюро, то есть расправу над поляками, армейским частям. Если вы обратили внимание, катынское дело очень долго скрывалось, а был бы причастен к нему Берия, наша пропаганда давно бы раструбила об этом всему миру. Документы всячески прячут и, хотя часть их передали Валенсе, все же неясно: кто расстреливал? Я знаю, что отец после того заседания дал своим подчиненным негласное указание вывести пленных в безопасное место. Таким образом, рискуя собственной жизнью, он спас около 600 польских офицеров и генералов, которые впоследствии все же составили основу польской армии. Полководец Андерс, который вместе с другими находился в тюрьме НКВД, в своих воспоминаниях написал, что он с группой пленных почему-то был спасен. Почему, я вам уже объяснил.

– Вы полагаете, что катынская трагедия дело рук военных?

– Я в этом убежден, хотя не исключаю и участия внутренних войск.

– Как тогда Лаврентию Павловичу удалось избежать ждановского приговора?

– Приговор без резолюции Сталина не был действителен. Он же заявил: будем выполнять решение большинства, а снять Берия мы всегда успеем. Не забывайте, что это 1939 год и Сталин одержим идеей физического уничтожения своего главного оппонента Троцкого. Подготовка к покушению входила в завершающую фазу и трогать главного дирижера, мягко говоря, было бы неразумно.

– Отец тоже считал необходимым устранение Троцкого? – Он говорил, что троцкизм как течение очень сильно увлекает молодежь и становится все более опасным для советского строя. Когда его перевели в Москву, громкие процессы над троцкистами, зиновьевцами, бухаринцами и прочими были завершены. Но оставался живым символ оппозиции – Лев Давидович, который, находясь вдали от России, наносил своим язвительным пером моральный ущерб Сталину – «гениальной посредственности», как он его называл.

– Лаврентий Павлович был лично знаком с Троцким?

– Да. Когда в 20-е годы он приезжал в Грузию отдыхать, отец, по долгу службы, должен был его встречать и охранять.

– Сначала охранять, а потом убирать!..

– Что подделаешь, судьба так распорядилась. Но имейте в виду: убрали его не руками наемников, а людей, которые шли на этот крайний поступок по собственному убеждению. Возьмите, хотя бы такого художника с мировым именем, как Давид Альфаро Сикейрос, трижды организовавший нападение на Троцкого.

– Я читал об этом в его книге «Меня называли лихим генералом...»

– И тот, кто расправился с Троцким, действовал как и Сикейрос, не ради денег и наград, а ради идеи. Другой вопрос: есть ли такая идея, которая стоит хотя бы одной человеческой жизни!

К слову, должен вам сказать, что правотроцкистская организация, существование которой так отрицают советские историки и публицисты последних лет, в самом деле действовала. Это подтвердила переписка Троцкого с его сыном Седовым. В американской прессе появились исследования, из которых явствует, что Сталин знал не только о деятельности организации, но и о содержании тайной переписки отца с сыном. Затрудняюсь однозначно утверждать, что это работа Лаврентия Берия.

– Вам известно что-нибудь о том, что ваш отец принимал личное участие в допросах высокопоставленных узников? Что эти допросы чаще всего заканчивались побоями, физическими увечьями и, в конце концов, расстрелом?

– Вряд ли можно уменьшить его вину тем, что он не принимал участия в допросах.

– Не принимал?

– Абсолютно точно. Об этом говорили мне уцелевшие узники: Туполев, Минц, Королев.

– Но ведь пишут, что в подвалах Лубянки, Лефортова, Бутырки находились рабочие кабинеты Лаврентия Павловича.

– Это все клевета! Физическое воздействие на подсудимых было узаконено официально, но отец, разумеется, сам этим не занимался; наоборот, в 1939 году он вошел с ходатайством в ЦК о запрещении подобного метода допроса.

– В фильме «Война», снятом по роману И. Стаднюка, есть эпизоды, где генерала Павлова допрашивает лично Лаврентий Берия. Там показаны ужасные пытки...

– Генерала Павлова судили маршал Тимошенко и военно-полевой суд. Отец с Павловым вообще не встречался, его не привозили в Москву. Тут полнейшая фальсификация исторического факта.

– Я видел фильм и об академике Н. И. Вавилове. И там жуткие зверства энкаведистов. Ваша мама, работавшая тогда у Вавилова, не смогла повлиять на его судьбу через мужа?

– Она повлияла! Знаменитый академик Дмитрий Николаевич Прянишников, основатель научной школы агрохимии, очень высоко ценил учения Николая Ивановича о биологических основах селекции и центрах происхождения культурных растений. Прянишников считал Вавилова выдающимся организатором науки. Этот старый академик – тогда ему уже было под восемьдесят – вместе со своими сотрудниками пришел к маме и попросил ее передать письмо отцу, содержащее просьбу принять группу ученых. Отец их принял, беседовал с ними, но не так пренебрежительно, как в фильме. Отец им сказал: «Вавилова приговорила к смерти не тройка, не особое совещание, а Верховный Суд страны, и я не в силах

приговор изменить». Тем не менее, отец добился пересмотра этого дела и расстрел был заменен длительным сроком заключения. Потом Вавилова перевели в закрытый институт, подчиненный НКВД, где он мог заниматься наукой. К сожалению, ученый вскоре заболел дизентерией и скончался... Печальная история, но, увы, ее творил не только мой отец.

Если говорить о репрессиях в целом, проводимых в 30 – 40-е годы в СССР, то они явились практическим воплощением политического курса партии и государства, направленного на искоренение элементов, мешавших построению светлого будущего. Тогда никто не интересовался, почему это «светлое будущее» имеет так много ярких противников и зачем навязывать людям то, что им не по душе!..

– Говорят: сталинско-бериевские застенки... бериевщина... Как, на ваш взгляд, не слишком ли эти термины персонифицируют темные силы коммунистической империи, у руля которой, как известно, стояли не только эти двое?

– Сталин и Берия – руководители разных масштабов, и объединить их можно лишь по национальному признаку. Изобретатели термина намекают именно на это. Я не собираюсь выгораживать своего отца, который – охотно или неохотно – выполнял волю Сталина и Политбюро, но справедливости ради замечу: закон о так называемом особом совещании был принят в 1934 году, то есть за четыре года до перевода Берия в Москву; а молниеносно расплотившиеся тройки за это время успели искалечить судьбы миллионам людей. Что

же касается видных военачальников, то ни один из них не был передан в руки карательных органов без личного согласия наркома обороны К. Е. Ворошилова.

Списки обреченных визировались в отделе административных органов ЦК ВКП(б), который курировал Г. М. Маленков, а рядом с резолюцией Сталина всегда стояла и подпись В. М. Молотова. Эта традиция утвердилась задолго до появления Берия. Когда он занял кресло опального Ежова, девятый вал репрессий уже спал и стрелка политического барометра клонилась к штилю. Нужно помнить, что появление моего отца в Москве ознаменовалось не усилением арестов, а наоборот, расследованием преступных методов ведения следствия, повлекших за собой неоправданные жертвы. Вспоминается дело Краснознаменного Балтийского флота, работники которого незаконно вели следствие и производили необоснованные массовые аресты. Согласно приказу отца от 5 февраля 1939 года, все виновники были сурово наказаны. Но в том же году из советских тюрем были освобождены триста тысяч человек.

– Странная арифметика санкций вновь назначенного народного комиссара внутренних дел: одной рукой он подписывает приказ об освобождении тысяч безымянных узников, а другой – приказ о расстреле сотен партийных, комсомольских и энкаведистских чинов. Например, по личному распоряжению Лаврентия Берия были расстреляны заместитель Ежова Фриновский, братья Берманы: один – начальник ГУ-

ЛАГа, а второй – наркомвнудел Белоруссии...

– Эти люди, как и многие другие, попавшие в зловещий список, обрекли себя на гибель независимо от воли моего отца. На протяжении многих лет они выполняли преступные распоряжения разных инстанций, становясь тем самым активными соучастниками тех злодеяний. Сталин, Политбюро, кремлевская знать осознали к концу 1938 года жуткие масштабы репрессий по всей стране. Требовалось изменение политики, создание видимости демократизации общества, торжества справедливости. Под этим лозунгом вчерашние «верные бойцы» партии за одно мгновение превращались во вредителей, изменников, антипартийные элементы. С точки зрения права и морали они, как слуги беззакония, не заслуживали пощады, однако надо было начинать с других. С кого именно? Не с Политбюро ли? Это было выше сил, возможностей и полномочий Лаврентия Берия. На мой взгляд, он попытался воздать по заслугам хотя бы тем, кому мог.

– Сегодня это трактуется, как способ поднять собственный авторитет...

– Почему же таким образом не поднимали себе авторитет Ягода или Ежов?! И еще: учтите, что во главе НКВД отец стоял недолго, ибо в годы войны на него были возложены функции заместителя председателя Совета Министров СССР и члена ГКО, а из НКВД впоследствии были созданы два органа – МВД и МГБ.

– Чем занимался Берия в годы войны как первый заместитель Сталина?

– Выпуском танков, артиллерии, боеприпасов, транспорта, а также руководством стратегической разведкой.

– О советской разведке написаны тома панегириков, сняты десятки фильмов, но о самом шефе – молчание. В лучшем случае говорится традиционное – «не ту информацию давал...»

– Не верьте, когда говорят, что Берия давал Сталину не те сведения, что он дезинформировал его... Еще в начале 1941 года план «Барбаросса» полностью находился в руках советской разведки и с ним ознакомили Сталина. Единственная поправка, которую внесли в него фашисты – это перенос даты наступления на один месяц.

Сталин не игнорировал ни одну информацию и не хуже других знал, что война вот-вот грянет, но не хотел провоцировать немцев. Он был осведомлен и о двойной игре англичан, которые все время пытались столкнуть лбами Германию и СССР. На Советский Союз работали очень высокопоставленные немцы, в том числе двое из ближайшего окружения Гитлера, сообщавшие о всех его намерениях. Они делали это из-за несогласия с фюрером, полагая, что таким образом смогут отстранить его от власти. Нам, конечно, известна фамилия Филби, но, кроме него, в различных странах мира действовала еще целая плеяда блестящих разведчиков.

– Ким Филби был человеком Берия?

– Да. Его завербовал француз грузинского происхождения.

– Может, правда и то, что перед войной НКВД и гестапо обменялись тайными делегациями?

– Вряд ли такое могло случиться. Но то, что 22 сентября 1939 года в Бресте состоялся совместный военный парад вермахта и Красной Армии, – факт. Парад принимали генерал Гудериан и комбриг Кривошеин. Перед этим Германия и СССР обменялись военными делегациями, но это не представляло никакой тайны. Это была игра, ибо Гитлер стремился доказать, что он жаждет мира, а Сталин делал вид, что он ему искренне верит.

– По рассказам очевидцев, немцы были не такими уж варварами. И чтобы вызвать у населения гнев против них, группы переодетых энкаведистов врывались в населенные пункты и совершали зверства. Вы верите в это?

– В начальный период войны гитлеровцы действительно старались создать себе, как ныне принято говорить, положительный имидж. Но когда советское население, не без помощи того же НКВД, организовало ополчение, партизанское движение, диверсионные группы, то есть начало оказывать сопротивление, тогда заработали и карательные экспедиции фашистов. Не было никакой необходимости вызывать дополнительный гнев у тех, кому пришлось пережить кошмары оккупации.

– Мы говорили о репрессированных, о множестве, но все

же отдельных людях, однако ведь были репрессированы и целые народы: немцы Поволжья и Украины крымские татары, греки, болгары, чеченцы, ингуши и другие народы Северного Кавказа... И все это сотворил НКВД! Притом с большим воодушевлением. Трудно, мне кажется, переубедить эти народы в непричастности Берия к их трагической судьбе...

– Вы знаете, как-то даже Хрущев обмолвился, что Берия – очень удобная фигура, на которую можно свалить все промахи и бесчинства, совершаемые партией. О злосчастном НКВД я сказал бы то же самое. Ведь что это такое? Нас учили, что это карающий меч революции, то есть – партии. Решения принимала партия, а осуществлял их НКВД. Это во все не снимает с него ответственности за содеянное, но при выяснении истины, согласно Козьме Пруткову, надо зреть в корень... Депортация народов – акция крайне несправедливая. Я своими глазами видел отряды ингушей и чеченцев, которые насмерть сражались с завоевателями, добровольно уходя в ополчение...

– Кому же было выгодно срывать с родных мест целые этносы и переселять бог весть куда? Кроме морального ущерба, это и огромные расходы...

– Возможно, я ошибаюсь, но у меня складывается впечатление что русско-кавказская или крымская война не окончилась с установлением Советской власти. В других формах, но она продолжалась. Националистически настроенные руководители и впредь всячески добивались жизненного про-

странства для русских.

Среди руководителей, оказывавших влияние на Сталина, я могу назвать такого опасного кремлевского волка, как А. А. Жданов.

– Как утверждают, его загрыз до смерти не менее опасный волк Лаврентий Берия!..

– Мне кажется, что Жданов умер своей смертью... Злоупотребление алкоголем привело к остановке сердца. Печально знаменитый доктор Л. Тимашук все свалила на неправильное лечение, что и спровоцировало «дело врачей». Жданов открыто соперничал с самим Сталиным. Всем хорошо известно его самодурство в области культуры, хотя вся его культура сводилась к умению играть на рояле двумя пальцами... Жданов и его национал-шовинистическое окружение умело попользовали такую негативную черту характера Сталина, как подозрительность. Допустим, какой-то аул подарил Гитлеру белого скакуна и белую бурку. Было и такое. Но репрессиям подвергнулся целый народ.

– Генерал Власов сдал врагу армию. Не выселять же из-за этого весь русский народ! Кстати, есть ли заслуга Берия в том, что Власов был доставлен в Москву?

– Его захватила разведка.

– Вернемся к вопросу о репрессированных. Украинское правительство, например, возвращает на места традиционного проживания около 400 тысяч депортированных немцев, восстанавливая таким образом историческую справед-

ливость.

– С немцами я общался с малых лет и отношусь к ним с уважением. У нас в доме жила немка Элла Эммануиловна Альмендингер, которая не так давно умерла. Прекрасная женщина, она была как бы членом нашей семьи, Так вот, когда началась война, Элли Эммануиловну словно подменили. С одной стороны, она переживала за нас, понимая всю опасность фашизма, а с другой, ей была далеко не безразлична судьба Германии. И это естественно. Думаю, что большинство советских немцев примкнуло бы к своим единокровным братьям, несмотря на то, что Гитлер им был ненавистен. Война их поставила в такое жуткое положение, и я даже затрудняюсь сказать, что более аморально: отдать этих людей угрызениям совести и поставить перед мучительным выбором: Советский Союз или Германия? Или же увести от греха подальше таким жестким способом, как переселение? Что гуманнее? Кто ответит?

– Какой, на ваш взгляд, выход из сложившейся ситуации с турками-месхетинцами, создавшими теперь общество «Батан» («Родина») и требующими возвращения в Грузию, которую и считают своей родиной?

– Если рассматривать вопрос в историческом аспекте, – а в таких случаях, думаю, нужно поступать именно так, – то, естественно, не существует никаких турок-месхетинцев, равно как нет армян-месхетинцев, также проживающих на этой исконно грузинской земле – Месхетии. Я знаю месхе-

тинца Шота Руставели, но он, как известно, не называл себя турком. Турция – наш великий сосед, развивающийся ныне демократически, однако не следует забывать, что существовала и могучая Оттоманская империя – «Блестящая Порта», отнюдь не брезговавшая чужими территориями. Шавшет-Эрушети, Тао-Кларджети, Лазистан... Где сегодня эти наши прославленные земли? Где находятся наши выдающиеся архитектурные памятники и христианские святыни Ошки, Шатберди, Бана? Эти вопросы, я понимаю, риторические, но все же... Каждый отдельный человек может называть родиной то место, где он родился, но родина целой нации не может находиться на территории другого народа. Кстати, вы знаете, что Ленин хотел отдать Ататюрку Грузию? Эта маленькая страна всю свою историю воевала за выживание, а вождь революции одним росчерком пера собирался подарить ее Турции взамен на социалистическую ориентацию последней. И подарил бы, но помешал Сталин, позже во многом провинившийся перед своей родиной...

– У вас нет такого ощущения, что и Сталин, и Берия, и другие грузинские деятели большевистского типа зря истратили свои способности, зря пожертвовали собой, отстаивая ложные идеалы, не послужив отечеству так, как следовало?

– «Как жаль, что ты не стал священником», – сказала мать Сталину, навестившему ее в 1936 году. «Как жаль, что ты не стал строителем!» – могла бы сказать отцу и моя бабушка. Впрочем, в основе разногласий между моей матерью и от-

цом, помимо житейских мелочей, конечно же, лежало именно тонкое понимание ею патриотического предназначения человека, гражданина. Мама всю жизнь твердила, что человек должен жить на своей земле и творить для своей родины. Она, бедняга, умерла, так и не дождавшись моего возвращения в Грузию. И отцу она постоянно напоминала: лучше иметь маленькую должность, но быть удовлетворенным от того, что приносишь пользу собственному народу. Отец всегда старался помочь Грузии с точки зрения развития ее производительных сил, возможности ее самостоятельного существования.

– Когда идет речь о злодеяниях Лаврентия Берия, часто упоминаются А. Н. Рапава, С. А. Гоглидзе, Н. М. Рухадзе, Л. Ф. Цанава. Что это за люди? Вы знали кого-нибудь из них?

– Знал, но близкого знакомства с ними не водил. Рухадзе, например, был неприятным человеком, противником моего отца, и мне не очень понятно, как он оказался среди его друзей. Рапава и Гоглидзе действительно дружили с отцом, а Цанава (кстати его фамилия Джганджгава, он упростил ее, чтобы негрузинам было легко выговаривать) другом отца я бы не назвал.

– Почему же этих, довольно разных людей, скопом записали в число приспешников Берия?

– Чтобы придать национальную окраску происходящему...

– А вот имя такого человека, как Титэ Илларионович

Лордкипанидзе вам говорит что-нибудь?

– Лордкипанидзе был наркомвнудел Закавказья и жил с нами в одном доме, на одном этаже. Наша семья относилась к нему с большим уважением. У Титэ был зять, замечательный человек, специалист по русской литературе, профессор, в детстве он давал мне прочитать интересные книги. Когда мама училась, а я оставался с бабушкой, то с удовольствием ходил к нему в гости. Я очень сожалел, что Титэ перевели из Тбилиси в Крым! Там его и арестовали.

– Существует версия, что Лордкипанидзе «стучал» на Берия, поэтому тот изгнал его из Грузии...

– Что вы! Лордкипанидзе был человеком, способным убить, но не «стучать». До революции он возглавлял группы «эксов» – террористических экспроприаторских групп, а потом работал в ЦК. Возможно, он в чем-то не соглашался с отцом, но чтобы доносить!..

– Открою секрет: эта версия тоже из книги Волкогонова. – А я и не знал, что уважаемый генерал – такой крупный знаток новейшей истории Грузии!

– Прототипом главного героя из нашумевшего фильма «Покаяние» Варлама Аравидзе многие считают Лаврентия Берия, хотя сходство подчеркивается лишь внешне.

– Как я понял, в самом деле талантливый фильм Генгиза Абуладзе является обобщающей гротескной картиной о тиране и тирании вообще. Я не уверен, что Аравидзе – это мой отец, ибо он может сойти и за латиноамериканского или еще

какого-либо заморского диктатора.

– Как вы объясняете связи Лаврентия Павловича с грузинской эмиграцией в Париже. Они ведь были идейными врагами. Между ними могли существовать какие-то взаимные симпатии?

– Понимайте как угодно, но меньшевистские эмиссары, конспиративно засланные к нам и арестованные органами, были безнаказанно отпущены.

– После, разумеется, соответствующей обработки?

– Нет, никто этих молодых людей не обрабатывал. Их отпустили, поскольку они не совершили ни террористических актов, ни других преступлений... Пожалели просто...

– Но ведь по нашим законам они все равно должны были понести наказание?

– По законам – да. Но законы существуют для того, чтобы иногда их обходить. В случае В. Джугели отец был бессилен, ибо факт его пребывания в Тбилиси получил огласку. В дальнейшем работа проводилась более тонко. Иосиф Виссарионович к меньшевикам был беспощаден. Он требовал от отца заманить их любыми средствами и уничтожить. Отец поступил наоборот. Я знаю об этом от матери. После войны, когда в Грузию вернулись первые эмигранты, дрогнуло сердце и Евгения Гегечкори: его тоже потянуло на родину. Отец через специального связного предупредил Гегечкори и его сообщников, что нельзя возвращаться ни в коем случае. Они послушались и остались живы.

– Известно, что перед войной Лаврентий Берия организовал при НКВД СССР особое техническое бюро. Что это за организация и чем она занималась?

– К концу 40-х годов в советских тюрьмах и лагерях находился цвет не только творческой, но и технической интеллигенции. Это были высокообразованные, чрезвычайно талантливые люди, способные принести огромную пользу стране. Чтобы дать им хоть какую-то возможность для реализации своих способностей, отец предложил создать это бюро.

Предвижу вопрос: не проще ли было их освободить? Разумеется. Но попробуй выпустить на волю человека, признавшего себя виновным в тягчайших преступлениях! Хотя эти признания делались под жесточайшим давлением, нарком не имел права пересмотреть решение суда. Андрей Туполев рассказывал мне, как отец несколько раз вызывал его и уговаривал отказаться от прежних показаний. Убедившись в неэффективности подобного приема, отец и решил объединить всех зэков-ученых в специализированные конструкторские бюро по самолетостроению, моторостроению и т. п. Выполнив задание, группа конструкторов освобождалась. Таким образом, были выпущены Петляков, Мясищев, тот же Туполев. Они, как и многие другие, стали узниками еще во время Ягоды – Ежова, и заявления некоторых исследователей о том, что Берия сажал крупных специалистов с единственной целью – пополнить внутритюремные предприятия

квалифицированными рабочими, далеки от истины.

– Вы мне рассказывали, что Лаврентий Павлович прекрасно рисовал, любил искусство. Может быть, этим и было продиктовано создание им центрального ансамбля народного комиссариата Внутдела. Этот ансамбль, как утверждают, мог соперничать с любым прославленным коллективом. Ваш отец пригласил туда целое созвездие: Сергей Юткевич, Рубен Симонов, Александр Иванов-Крамской, Дмитрий Шостакович...

– Вы забыли еще Павла Вирского, возглавлявшего танцевальную группу. Об этом я узнал от самого маэстро, когда переехал на Украину. Ансамблю отец уделял мало внимания, ибо в то время ему были поручены более важные вопросы; разведка, оборона, атомная бомба.

– Атомная бомба? Но ведь речь идет о 1939 году?!

– Все правильно! Именно в конце 1939 года отец и предложил правительству начать работу над созданием атомной бомбы. По разведанным было известно, что немцы, англичане и американцы уже разрабатывают проект. В ту пору в нашем доме жили два молодых американца, которые были готовы при финансовой и технической поддержке реализовать проект атомной бомбы. Эту идею, подкрепленную экспертными оценками наших молодых физиков, отец вынес на рассмотрение Политбюро.

В воздухе уже пахло войной, поэтому страна объективно не могла заниматься долгосрочным проектом. Категориче-

ски против самой идеи выступил академик Петр Капица. Он не хотел, чтобы СССР владел таким оружием.

– Почему?

– Капица был противником советского строя и никогда не скрывал этого, поэтому он уехал в Англию и работал там с Эрнестом Резерфордом над расщеплением атома. Капицу насильственно задержало советское правительство, когда он приехал навестить больного тестя, академика А. Н. Крылова, отца второй жены. Тогда Молотов спросил его: «Чего вам тут не хватает?» «Лаборатории Резерфорда!» – был ответ. Привезли ему эту лабораторию со всем оборудованием и велели: «Продолжайте работу, занимайтесь тем, чем занимались в Англии!» Но он не захотел и взялся за решение других проблем, не менее важных и интересных. Петр Леонидович был умнейшим человеком, мужественным и справедливым. Я вспоминаю его с огромной теплотой и благодарностью за активное участие в решении моей судьбы. Он один из тех, кто заявил правительству: «Несправедливо держать в тюрьме сына Берия!»

– Капица заблокировал проект?

– Заблокировать он не мог, но сомнения посеял. В тот период наша электронная промышленность сильно отставала, и мы в самом деле не располагали нужной научно-технической базой для создания сверхсовременного оружия в предельно сжатые сроки, поэтому эту затею сочли преждевременной. Но отец отличался упрямством и от замысла не от-

казался, продолжая устанавливать и развивать тесные контакты с людьми, которые могли его информировать об успехах европейских и американских атомщиков. В 1942 году, когда накопились достаточные сведения, он вновь обратился в Политбюро с прежним предложением: рассмотреть вопрос о создании атомной бомбы. И надо отдать должное Иосифу Виссарионовичу: он признал необходимость таких разработок. Однако время было упущено. Специалисты, предлагавшие нам свои услуги, уже возглавляли группы по разработке американского проекта и заполучить их обратно не представлялось возможным. Принимая решение о создании советской атомной бомбы, руководство страны учитывало то обстоятельство, что американцы, сильно продвинувшись вперед в своих разработках, смогут получить оружие массового поражения если не до конца, то после войны. Мы же останемся без защиты. Чтобы не начинать все с нуля, соответствующие службы похитили нескольких специалистов и перевезли их из Англии к нам на подводной лодке. К тому моменту отец подобрал группу молодых специалистов, среди которых был и И. В. Курчатов – талантливый, настойчивый и симпатичный человек, которого и назначили руководителем проекта. К работе привлекли выдающихся деятелей науки академиков Ю. Б. Харитона, Н. Л. Духова, Н. Н. Семёнова и др., в распоряжение которых поступали все специфические сведения, добытые разведкой. Работу сильно активизировало прибытие Бруно Понтекорво.

– Понтекорво тоже похитили?

– Нет, он был коммунистом и хотел нам помочь; а доставили его также на подводной лодке...

– Извините, что отвлекаю от темы, но я слышал, что Понтекорво был женат на грузинке...

– Да, была какая-то дама, выполнявшая при нем определенные функции, потом, по-видимому, они сошлись характерами и у них получилась семья.

– Продолжайте, пожалуйста!

– Одним словом, в разгар войны, в 1943 году, когда до Берлина простирались тысячи огненных километров, в Советском Союзе не только серьезно задумывались, но и заботились о сохранении послевоенного мира, который должен был наступить во что бы то ни стало... Сталин и бровью не повел, когда на Потсдамской конференции Трумэн намекнул ему о наличии у американцев сверхсекретного оружия, но, выйдя в соседнюю комнату, учинил моему отцу скандал: почему до сих пор бомбы нет? Бомба в 1946 году была изготовлена, но ее решили не взрывать.

– Меня заинтересовали те два американца, которые жили у вас перед войной. Как они могли появиться в доме Лаврентия Берия?

– Это, наверное, были люди, связанные с отцом по линии разведки. Хорошо помню, что одного из них звали Роберт. Позже, сопоставляя некоторые приметы, я пришел к выводу, что это был Оппенгеймер.

– Оппенгеймер?

– Да, он. Почему я так считаю? Попробую объяснить. После того, как Политбюро сочло преждевременным рассмотрение вопроса о создании атомной бомбы, интерес отца к ней возрос. Не исключено, что эти два иностранца являлись источниками информации. Конечно, для идентификации личности мало одного имени, но, вспоминая внешность, возраст, глубину знаний нашего гостя Роберта, я все-таки прихожу к выводу: это был Оппенгеймер.

– Распространено мнение, что советские ученые работали над созданием атомной бомбы принудительно, чуть ли не под арестом.

– Никакого насилия и принуждения не было! То, что существовали секретные лаборатории и доступ туда ограничивался, естественно.

– Вы имеете в виду Обнинск?

– Нет, лаборатория Курчатова находилась под Москвой, в Серебряном бору. В Обнинске был второй центр. Вообще, для атомной промышленности в срочном порядке строились целые города на Урале, под Челябинском, в Сибири. Дай бог, нам с вами быть такими обеспеченными сегодня, как жители тех городов с прекрасными больницами, кинотеатрами, магазинами! Да, они строго охранялись, работали в напряженном ритме, были отрезаны от внешнего мира, но учтите, что и Лос-Аламос тоже не находился на Бродвее. Наши ученые, в сравнении с американцами, жили намного комфортнее.

– Вам приходилось бывать в тех лабораториях?

– Да, несколько раз вместе с отцом. Отец навещался туда очень часто: ни один объект не закладывался и не открывался без его участия. Он не находился в ситуации, подобной генералу Гровсу, обеспечивающему выполнение требований Оппенгеймера. У нас система была несколько иной. Так как основной поток информации поступал извне, то вся организационная работа по проектированию и строительству, допустим, диффузионных заводов или по получению обогащенного урана, плутония и других веществ, производилась через отца, то есть не он выполнял требования ученых, а сами ученые действовали с учетом его данных. После бомбежки Хиросимы и Нагасаки, 20 августа 1945 года постановлением Государственного Комитета Оборона был образован специальный комитет в составе: Л. П. Берия (председатель), Г. М. Маленков, Н. А. Вознесенский, Б. Л. Ванников, А. П. Завенягин, И. В. Курчатов, П. Л. Капица, В. А. Махнев, М. Г. Первухин. На комитет возлагалось непосредственное руководство научно-исследовательскими проектными и конструкторскими организациями и промышленными предприятиями по использованию внутриатомной энергии урана и производству атомных бомб.

– Чтобы координировать действия такого сложнейшего комплекса, нужны огромные знания. Лаврентий Павлович обладал ими?

– Он, конечно, не мог вместо Сахарова произвести расче-

ты по теоретической физике, но зато совершенно четко понимал, как и куда эти расчеты применить. Я знаю из рассказов ученых: как только отца отстранили, они наткнулись на массу нерешенных проблем.

– Когда его отстранили?

– Отец стоял во главе Комитета до последнего дня своей жизни. Как раз в день его гибели ему должны были доложить о готовности водородной бомбы к испытанию. Ее подготовили у нас на год раньше, чем в США.

– Вы общались с Андреем Сахаровым?

– Я знал его. Это был молодой скромный человек; очень любящий свою семью и детей. Помню, против него тогда выступали многие крупные ученые, не желающие впускать его в свою среду.

– Чем он вызвал такое неприятие старших коллег?

– Они, наверное, знали о настроениях Сахарова. Я бы уточнил: о его идеологических убеждениях. Поэтому стремились не подпускать к себе, а держать на расстоянии.

– Вы хотите сказать, что Андрей Дмитриевич и тогда был диссидентом?

– По внутреннему складу характера, видимо, да. Внешне он оставался застенчивым, я сказал бы, безынициативным человеком, поглощенным только своими идеями. Если бы рядом с Сахаровым не оказалась такая агрессивно настроенная женщина, как Елена Боннэр, он и остался бы таким тихим: и спокойным ученым мирового масштаба и не ударился

бы в политику...

– В начале 50-х годов в США судили супругов Розенбергов – Лилиан и Этель. Их обвинили в выдаче советским спецслужбам секретов американской атомной бомбы. Они стали жертвами инсинуаций или...

– Никита Хрущев, находясь в Америке, подтвердил, что Розенберги были нашими разведчиками. Этим он нарушил неписанный закон дипломатической игры: неэтично подставлять разведчиков, которые сами себя не раскрыли, не разоблачили.

– Они отправились на электрический стул, ничего не признав?

– Да, Сохранились их потрясающие письма друг к другу перед казнью. Их разоблачил, – не знаю, как точнее сказать, – брат Этель, который за это получил огромные деньги и открыл потом собственное предприятие.

– Вы считаете, что Розенберги не причастны к выдаче американских секретов?

– Я вам скажу, что таких, как они, были сотни. Если они и причастны, то это ни в коем случае не умаляет заслуги советских ядерщиков, которые самостоятельно, независимо от американцев уже имели бомбу, кстати говоря, весьма отличавшуюся от их. Так, американцы выстреливали, как снаряды, одну массу в другую, и они, оставаясь вместе какие-то миллионные доли секунды, начинали выделять нейтроны, которые потом вступали в цепную реакцию. Наша бомба бы-

ла смоделирована иначе – по принципу обжатия. Взрывы происходили внутри сферы и протяженность времени, когда критическая масса содержалась вместе, была длительнее, поэтому советская бомба превосходила американскую по КПД (коэффициенту полезного действия).

– Вы видели ядерный взрыв?

– Да, я был на первых и последующих испытаниях в 1949 году в Семипалатинске.

– Я читал, что Энрико Ферми, увидев подобное чудовище, не мог управлять своей машиной, а Оппенгеймера успокаивали психологи.

– У них потрясение было сильнее, чем у нас, потому что они впервые увидели в действии тот дьявольский агрегат. Он сработал! Когда знаешь, что эксперимент где-то уже удался, возникает ощущение вторичности. Эффект был очень сильный, но не ошеломляющий. Правда, все мы переживали: а вдруг осечка? Существовала небольшая вероятность, что взрыва может не быть. В связи с этим ходил анекдот: Берия имел список тех, кого следовало наградить, а кого посадить. Список был один.

Если говорить серьезно, то в отраслях, которыми руководил отец или курировал их, не было ни одного ареста или привлечения к следствию. Ни одного! Ситуации возникали, но отец не позволял трогать своих людей. Я поведаю вам одну такую историю. Иосиф Виссарионович получил информацию, что акад. Ю. Б. Харитон, впервые осуществивший вме-

сте с Я. Б. Зельдовичем расчет цепной реакции деления урана и занимавшийся непосредственно механизмом бомбы, – английский шпион. Мой отец написал расписку Иосифу Виссарионовичу, что он, Лаврентий Берия, ручается за преданность акад. Харитона советскому строю и готов нести ответственность, если тот не выполнит возложенные на него обязанности. Эта расписка хранилась у Сталина до конца...

– Батоно Серго, расскажите, каким образом вы оказались среди создателей атомной бомбы?

– Непосредственно среди них я не был. Я работал несколько в иной области – в области создания систем управления ракетами, которые могли быть и были носителями атомных, а в дальнейшем – водородных зарядов. После того, как в 1942 году я побывал на Кавказском фронте, меня направили на учебу в Ленинградскую академию связи, где только начал формироваться факультет радиолокации.

– Это было целевое направление?

– Именно так. Я окончил эту академию в 1947 году, но уже с 1945 года занимался проектом системы управления крылатой ракетой и самой ракетой, предназначенной для поражения больших кораблей. К разработке этого проекта, который стал моим дипломным трудом, я приступил по собственной инициативе, но государственная комиссия рекомендовала его реализовать. Экспертная группа при Министерстве обороны, рассмотрев рекомендацию госкомиссии, приняла решение создать опытно-конструкторское бюро, где и предсто-

яло оперативное осуществление моего замысла. Поскольку в это время атомная бомба практически уже имелась и ученые работали над водородной, надо было в снарядах, которые разрабатывались нашим коллективом, разместить новое взрывное вещество. Координационная группа связи обеспечивала наши, электронщиков и ракетчиков, контакты с разработчиками атомной бомбы. Мы сотрудничали, в основном, с Курчатовым, Ванниковым, Духовым и другими. Особенно близкие отношения сложились у меня с Игорем Васильевичем Курчатовым, который часто приходил к нам домой еще в тот период, когда я был слушателем академии. Наше деловое сотрудничество заключалось в выработке конструкций ядерных зарядов, ибо в зависимости от назначения менялись диаметры баллистических ракет, скажем, у противоздушных или противокорабельных они были разные.

– Вы сами руководили практическим воплощением собственного проекта?

– Меня назначили главным конструктором, но поскольку я был молодой и малоопытный, руководство заводом поручили большому профессионалу генералу Ельяну, который в годы войны создал ряд артиллерийских конструкций и обладал исключительными организаторскими способностями.

– Где ваш проект осуществлялся?

– В московском КБ, где в дальнейшем разрабатывались не только противокорабельные, но и противоздушные ракеты. Первое кольцо зенитной обороны Москвы как раз нами и

было разработано. Очень интересна сама ее история. Когда мы успешно испытали противокорабельные ракеты, поступил приказ оснастить ими два авиаполка. На четырехмоторных бомбардировщиках конструкции Туполева Ту-4, которые являлись копиями американских Б-29, подвешивались две ракеты. Каждая из них могла вывести полностью из строя крейсер или корвет, а для поражения авианосца хватало четырех точных попаданий.

В то время американцы готовились к высадке в Корею. Сталин хотел срочно отправить эти два полка для нанесения ударов по соединениям их кораблей. Однако он располагал данными, что в ответ на это Штаты могли обрушить ядерные удары на Москву, Ленинград, Киев. Иосиф Виссарионович собрал военачальников, членов Политбюро и спросил их: «Сможем ли мы защититься от ядерного нападения американцев, если наши летчики потопят их корабли?» Ответ был однозначно отрицательный. Наши истребители тогда не поднимались выше 15 км. Зенитные пушки достигали 12–14 км, а зенитные ракеты отсутствовали вообще. Американские же самолеты летали на высоте 18 км., неся атомные боеголовки. Тогда Иосиф Виссарионович сказал, что даст один год и ни дня больше! – для создания обороны зенитными ракетами, которые смогут поражать самолеты, имеющиеся на вооружении у американцев.

– Это было...

– Это было в конце 1951 года. Наш коллектив совместно

со специалистами из других отраслей в установленный срок создал систему воздушной обороны Москвы.

– Сталин остался доволен?

– Он остался верен любимой поговорке: доверяй, но проверяй! Ему захотелось убедиться в надежности нашего изобретения, и он предложил такой вариант: поднять на Москву 10–12 самолетов, перед линией обороны летчикам катапультироваться, а потом самолеты сбить ракетами. Мы объяснили, что на полигоне такое испытание уже проводилось, а повторять его над Москвой рискованно. Сталин согласился, но свое испытание на полигоне все-таки назначил. Под контролем маршала авиации П. Ф. Жигарева и маршала Советского Союза А. М. Василевского подняли в воздух шесть реактивных самолетов Ил-28 и восемь МиГ-15. Когда летчики катапультировались, все машины были сбиты одной-двумя ракетами. Так нашу систему обороны приняли на вооружение.

– Вы знали многих видных деятелей партии и государства. Интересно ваше понимание их человеческих качеств и недостатков.

– Самое сильное впечатление среди всех руководителей страны как личность производил, конечно, Иосиф Виссарионович. Как я уже говорил, отношение к нему у меня сложное, двойственное – от искренней любви до непонимания и осуждения того, что он нередко делал.

– Каким образом вы могли попасть к Сталину?

– Очень просто. Я учился в одной школе со Светланой,

дружил с ней. Мы часто ходили друг к другу в гости. Бывало, Иосиф Виссарионович приходит в свою кремлевскую квартиру на обед и зовет нас, приглашая к столу. Разговаривал он с нами как со взрослыми, рассказывал о прочитанных книгах, советовал, что нам прочесть.

У Сталина была большая библиотека. Но он настолько владел своими стеллажами, что наизусть помнил, где какая книга находится. Допустим, ему понадобилась цитата для подкрепления какой-то мысли, он подходит к полке и безошибочно достает нужный том, читает соответствующий фрагмент. Но меня, честно говоря, больше всего потрясло в его библиотеке огромное количество грузинской литературы. У него была вся классика, он постоянно получал все новинки из Тбилиси. Иосиф Виссарионович остался очень недоволен, узнав, что я за этими новинками не слежу.

– Он разговаривал с вами по-грузински?

– В присутствии посторонних Сталин говорил по-русски, а отчитал меня на родном языке.

– Разве вашему отцу не присылали новинки?

– Конечно, присылали, но я, увлеченный техникой, их не читал. Мама очень обрадовалась, что Иосиф Виссарионович пожурил меня. Она все время заставляла читать вслух грузинские тексты, чтобы я не забыл язык.

– Друг вашего детства Светлана Джугашвили, как она себя именует, Аллилуева в своих воспоминаниях очень нелестно отзывается о Лаврентия Берия. Какие у нее основания для

этого?

– Оснований никаких. Она просто пытается какое-то бремя ответственности за советское прошлое снять с собственного отца и переложить на плечи его ближайшего соратника. Это выглядит правдоподобно, и читатель, привыкший к злодейскому образу Лаврентия Берия, охотно верит словам мемуариста. Мы с мамой читали все книги Светланы и были очень огорчены, что ее судьба сложилась не совсем удачно. Мы понимали: многое она писала под давлением официальных властей; сначала внутри страны, а потом за ее пределами. Ведь только наивный человек может поверить в полное отсутствие идеологического прессинга на Западе, тем более если там издается книга такого выгодного автора, как дочь Иосифа Сталина.

Я мог бы напомнить Светлане о том, как ее любили в нашем доме, но с ней бессмысленно вступать в полемику. Скажу лишь: Светлана Аллилуева прежде всего предала своего отца. Морально, по-человечески. Как дочь. Она звонила к нам, когда приезжала в Советский Союз, хотела навестить меня с мамой, но мы посоветовали ей этого не делать.

Недавно я с горечью узнал, что Светлана, покинутая родными детьми, бывшими мужьями и любовниками, ныне влачит жалкое существование в лондонском приюте, Печальный и логический конец, возмездие судьбы.

Думая о поучительной жизни Светланы, вспоминаю одну историю, связанную с ней.

Как-то пограничники вручили мне несколько трофейных пистолетов, среди них – маленький «вальтер» с очень красивой инкрустацией. Приехав в Москву, я подарил его Светлане. Она была счастлива. Еще бы, стала владелицей личного оружия!.. Прошло несколько месяцев, и я почти забыл об этом случае. И вдруг в Ленинградской военной академии, где в то время я продолжал учебу, появляется тот же генерал Власик и говорит: «Собирайся, Хозяин тебя вызывает!»

Сталин завтракал, когда мы к нему приехали. Как всегда он пригласил нас к столу, накормил, а потом начал расспрашивать об учебе, о жизни. Сажу и не могу понять, зачем я ему понадобился. После некоторой паузы последовал вопрос:

«Это ты подарил Светлане пистолет?» Отвечаю: «Да, я». Иосиф Виссарионович бросил на меня пронзительный взгляд и проговорил: «Слушай где у тебя мозги, что ты девушке такую игрушку даришь! Ты же взрослый человек, отвечающий за свои поступки как ты мог это сделать! Ты знаешь, что сотворила ее мать?» Я в самом деле не знал, что мать Светланы – Надежда Аллилуева – застрелилась. Сталин долго не мог поверить, что я впервые слышу об этой ужасной истории. Убедившись после сорокаминутных расспросов, что я понятия не имел о его семейной трагедии, Иосиф Виссарионович сказал: «Светлана уже получила свое. Тебе тоже полагается, но ладно... Езжай обратно, учись и не совершай больше таких необдуманных поступков!»

Меня снова накормили и отправили в Ленинград.

– Вы еще какой-то эпизод вспоминали, связанный с бра-
том Светланы – Василием...

– Я тогда учился на IV курсе академии. Вызывает ме-
ня Сталин и говорит: «Мы посылаем тебя в Оксфорд, бу-
дешь там учиться и одновременно руководить группой това-
рищей, отправляющихся вместе с тобой». И он перечислил
несколько имен.

Я отвечаю: «Иосиф Виссарионович, как я могу быть ру-
ководителем этой группы, когда в ней все – старше меня?» В
числе других был назван и его сын Василий чудесной души
человек, исключительно одаренный, но разбалованный. Дис-
циплина, как таковая, для него не существовала. И прежде
всего я опасался выходок Василия, за которые пришлось бы
отвечать.

Сталин очень рассердился и сказал: «Вся ваша семья –
упрямцы, но я вышибу из вас это упрямство. Вы будете де-
лать то, что я велю!»

Он вызвал моего отца и сразу же накинулся на него – «Как
ты сына воспитал? Как это он отказывается ехать в Оксфорд,
мотивируя свой отказ тем, что не способен руководить груп-
пой товарищей, старших его по возрасту?! Он позволяет се-
бе возражать, ссылаясь на то, что сначала нужно получить
образование на родине, а потом продолжать учебу за рубе-
жом».

Отец заметил, что в этом есть своя логика. Тогда Сталин

пришел в ярость: «Вы что, сговорились? Я не принимаю никаких рассуждений! Пусть Серго срочно собирается и вылетает!»

Узнав о нашем неприятном разговоре с Иосифом Виссарионовичем, мама очень встревожилась. Она никогда не позволяла себе обращаться к Сталину по собственной инициативе, но тут набралась смелости и впервые в своей жизни позвонила ему. Иосиф Виссарионович молча выслушал ее тираду, состоявшую, по существу, из моих аргументов, а потом рассмеялся: «Ну, черт с вами!»

– И поездка не состоялась?

– Нет. И меня оставили в покое, и группу тоже не отправили.

– Василий был старше вас?

– Да. На четыре года.

– Как Сталин относился к его баловству?

– Он очень переживал и старался заставить его взять себя в руки. Понимаете, Василия баловало окружение. Одни позволяли ему все, искренне любя, другие – руководствуясь расчетом. Сам Вася, способный и умный парень, из-за безволия предавался бесконечным застольям, развлечениям с девочками. Этот развязный образ жизни погубил его. Но спился он окончательно не без помощи тех, кто пришел к власти после Сталина.

– А каким вам запомнился старший сын Сталина – Яков? – О, Яков был полной противоположностью Василию.

Спокойный, уравновешенный, скромный, он сначала сто раз подумает, а потом лишь примет решение. Иосиф Виссарионович иногда посмеивался над ним: «Рачинец!» Рачинцем он его называл потому, что мать Василия – Екатерина Сванидзе – была из Рачи, где обитают наши замечательные горцы, невозмутимые и рассудительные.

Я знаю, что Яков долго не вступал в партию, и ему удалось оставаться вне ее рядов вплоть до поступления в академию. Имея свое мнение о большевистском режиме, он считал его главным виновником в разгуле репрессий и не скрывал своих взглядов. Твердость характера и воля, унаследованная от отца, помогли ему достойно держаться в фашистском концлагере. Я читал письма бельгийского короля о последних днях Якова, адресованные Сталину, знаком также с досье, которое немцы вели на него. Из этих неоспоримых документов вырисовывается образ мужественного и благородного человека, знающего себе цену. Его не смогли склонить ни против Сталина, ни против Советского Союза. Якова держали в одиночной камере тюрьмы, где также находились Эрнст Тельман и бельгийский король. Яков и Тельман были расстреляны, а король уцелел и сообщил об увиденном Сталину.

– Как Иосиф Виссарионович воспринял известие о гибели сына? Он, видимо, и не ждал иного исхода? Иначе, как понимать знаменитое высказывание: «Я простого офицера на фельдмаршала не меняю!»

– Безусловно, Сталин знал, что своим заявлением обрекает сына на смерть. Это был величайший поступок отца, равноценный подвигу Георгия Саакадзе.

Светлана мне рассказывала, как страшно тяжело Сталин пережил эту трагедию. Ему, человеку глубоко одинокому, не с кем было отвести душу. Он позвал дочь в свою комнату, уложил в постель и всю ночь разговаривал с ней о сыне... Однако переживания не помешали ему подвергнуть репрессиям семью погибшего Якова.

«Никаких исключений!» – заявил он. – Раз Яков попал в плен, мы должны следовать соответствующему закону, который у нас один для всех». Таким человеком он был...

– Существует предположение, что Лаврентий Павлович постоянно внедрял в службу Сталина своих людей, в основном, проверенных земляков, которые держали своего шефа в курсе всех малейших событий в «стане вождя». Одной из таких называют майора ГБ Александру Николаевну Накашидзе, которая к тому же, оказывается, была двоюродной сестрой вашей матери.

– Охрана Иосифа Виссарионовича подчинялась моему отцу, поэтому особой нужды в дополнительных осведомителях не было. Относительно Накашидзе все значительно проще: она в самом деле близкая родственница матери, хотя и не двоюродная сестра; и в дом Сталина она пришла вовсе не как шпионка, а как воспитательница Светланы. Иосиф Виссарионович хотел, чтобы за дочерью присматривала молодая, об-

разованная и приятная в общении грузинка. Среди десяти кандидатур он выбрал именно Александру. Поскольку все из службы входили в службу безопасности, ей, чтобы получать приличную зарплату, присвоили звание майора. Когда Светлана выросла и перестала нуждаться в опеке, Александра Накашидзе покинула свою работу и вышла замуж.

– Известный американский политолог, профессор Роберт Такер в своем исследовании: «Сталин/Путь к власти» указывает: «Сталина привлекло в Берии не только то, что он мог оказаться полезен как «хороший чекист». Берия чувствовал глубокую потребность Сталина в восхищении и завоевал его благосклонность с помощью лести, искусством которой он прекрасно владел... Можно с уверенностью утверждать, что Берия подчеркнуто выражал свое почтительное отношение к Сталину с момента их знакомства. В этом обожании Сталина, которое было характерно для него... просматривается его будущая роль одного из создателей культа личности».

– Я читаю всю доступную мне литературу о Сталине, о моем отце, об их эпохе, хотя говорят, что эпохи такой вообще не было, а было лишь безвременье. Бог с ними, возможно, и так... Что же касается книги Такера, я с ней знаком. Не буду распространяться о ее достоинствах, а попрошу лишь обратить внимание на предисловие, где сказано: «В 1946 году я женился на студентке Московского университета полиграфического института Евгении Пестерцевой, которой посвящена эта книга».

Профессор Такер хоть и американец, но, прожив многие годы в России, оказался под сильным влиянием советской пропаганды. Спасибо, что он не отказал моему отцу хоть в искусстве лести. Я понимаю, лесть – не из лучших качеств человека, но давайте спросим откровенно: неужели Лаврентий Берия был исключением среди приближенных Сталина, которые не жалели комплиментов в его адрес? Иосифа Виссарионовича впервые назвали вождем Бухарин и Зиновьев.

Эпитет «гениальный зодчий коммунизма» – придумал Микоян. А дальше пошло, поехало, вплоть до формулы: «Сталин – это Ленин сегодня». Кого только не было среди одописцев Сталина: Анри Барбюс и Лион Фейхтвангер, Го Мо Жо и Георгий Леонидзе, даже Пастернак и Мандельштам пели ему осанну.

Мне как-то показывали роскошно изданный том коллективного поздравления украинских поэтов с 70-летием вождя. Среди авторов: Павло Тычина и Максим Рыльский, Владимир Сосюра и Микола Бажам... А лести в их стихах – море!

Я далек от намерения обвинять названных и неназванных писателей в фальши, скорее, наоборот, склонен думать, что они искренне восхищались Сталиным. Но если говорить о «заслугах» моего отца в создании культа личности, то они явно меркнут перед заслугами мастеров художественного слова.

– Где вы находились, когда умер Сталин, и как в вашей

семье восприняли эту весть?

– Тогда я находился в Москве и вместе с родителями был подавлен случившимся. Особенно скорбела мать – Сталин умел располагать к себе людей. Был опечален и отец, хотя в последнее время в их отношениях появилась трещина. Иосиф Виссарионович, очевидно, решил принести в жертву русской шовинистической группировке и Лаврентия Берия. «Мингрельское дело» никак не могло появиться без согласия вождя.

– Как вы думаете, кто настраивал Сталина против вашего отца?

– Определенный круг приближенных, с которым Сталин вынужден был считаться. Неправда, что он все свои решения принимал единолично, не учитывая мнений и настроений окружающих. Другой вопрос, что в большинстве случаев ему удавалось перехитрить или переубедить это окружение.

– Вам не кажется, что относительно Берия его хорошо консультировали из Тбилиси?

– Консультантов и тайных советников Сталин имел достаточно. В том числе и в Грузии. Они постоянно твердили, что Берия не так ему предан, что он не тот человек, за кого себя выдает.

– В чем конкретно заключалось «мингрельское дело»? Что вменялось в вину мингрелам?

– То, что они возглавили партийную организацию респуб-

лики и монополизировали власть во всей Грузии. Имя вдохновителя и организатора мингрельских «происков» можно было вслух и не произносить. Только дурак мог не догадаться, против кого направлена эта грязная возня, которой активно занимался министр госбезопасности СССР С. Д. Игнатъев. Под его руководством в Грузии были проведены повальные аресты ответственных работников, начиная с секретарей ЦК и кончая парторганами колхозов, и не только выходцев из Мингрелии. Под прикрытием якобы ликвидации «буржуазно-националистического центра» арестовывались, а во многих случаях физически уничтожались люди, с уважением относящиеся к отцу. Было ясно, что «дело» санкционировано лично Иосифом Виссарионовичем.

– Я не случайно спросил Вас о земляках-«наводчиках» Сталина. Когда было состряпано позорное «мингрельское дело», кое-кто из чрезвычайно «бдительных» доставил вождю первые две книги тетралогии К. Гамсахурдиа «Давид Строитель»: мол, смотрите, великий грузинский царь с легкой руки писателя изображен мингрелом! Греха в этом, конечно, никакого: мингрел – такой же грузин, как и сван, и гуриец, и кахетинец... Цель этой наводки заключалась в примитивном расчете инспираторов рецидива: поскольку Берия – мингрел, а Гамсахурдиа – его земляк, значит, они – единомышленники! Это должно и было стать доказательством фальсифицированности, антихудожественности, даже антинародности «Давида Строителя»; а за такое, как известно,

расправа над автором неизбежна. Но, как ни странно, вышло наоборот: Сталин, прочитав роман (он тогда еще не был переведен на русский язык), вызвал тогдашнего первого секретаря ЦК республики, лютого врага писателя, и спросил: «Вы знакомы с этим романом?» И, не дожидаясь ответа, резюмировал: «Оказывается, мы, грузины, имеем такого великого прозаика!..»

Этой фразы было достаточно, чтобы на родине в корне изменилось отношение к Константину Гамсахурдиа...

– А сам романист приступил к написанию нового произведения с красноречивым названием «Вождь»... Случай, рассказанный вами, еще раз подтверждает непредсказуемость поступков Сталина. Помилование Гамсахурдиа вовсе не означает, что Иосиф Виссарионович мог отказаться от уже начатого «дела».

– Не поэтому ли Лаврентий Павлович пошел ва-банк и, как утверждается во многих публикациях, «помог» вождю преждевременно отправиться в мир иной?

– Я читал различные измышления на данную тему, например, «Тайна смерти Сталина» А. Авторханова. Каждый волен высказывать свое мнение, строить собственные версии, догадки. Мне не хочется спорить, поскольку не располагаю стопроцентными опровержениями (кстати, как и те, пишущие, не имеют доказательств!). Я могу лишь восстановить в памяти нашу домашнюю атмосферу в те дни, когда не стало Иосифа Виссарионовича. Мама при мне заявила отцу: «Лав-

рентий, как бы ты себя не утешал, твое время кончилось. Тебя терпели благодаря Сталину, а теперь – конец. Пока не поздно, подавай заявление об уходе в отставку, ссылайся на болезнь или придумай что угодно!...»

Отец не был самонадеянным человеком и прекрасно понимал всю сложность складывающейся расстановка сил. На уговоры мамы он ответил: «Нино, разве это изменит положение? Напишу ли я заявление, подам ли в отставку; они, если захотят, все равно добьются своего».

Максимум, на что мы рассчитывали – и отец, и мать, и я, – что его снимут, обвинят в разных просчетах, предадут партийной критике. Нам не приходило в голову, что дело может дойти до физической расправы, поэтому мы совершенно не были готовы к дальнейшим событиям.

– Почему Лаврентий Павлович не приложил усилий, чтобы занять место вождя после его смерти? Ведь он мог, в принципе, это совершить?

– Отец хорошо осознавал, что во главе фактически русского государства не может во второй раз стать грузин.

– Неужели Лаврентий Павлович не имел ни единого друга ни в Политбюро, ни в Совете Министров?

Складывается впечатление, что все его презирали и не могли дождаться, когда он предстанет перед судом.

– Друзья у него были. Я не говорю о Хрущеве, который, между прочим, больше всех нахально лез в незаменимые друзья к моему отцу! Вы посмотрите официальные фотогра-

фии тех лет – Хрущев почти везде рядом с отцом. Это было не только требованием протокола и соблюдением партийно-государственной иерархии, но и воплощением желания Никиты Сергеевича. Кто мог бы подумать, что этот человек вынашивал коварные планы, рассчитывая после их осуществления стать великим реформатором и отцом русской демократии. Хотя путем шантажа, демагогии и применения грубой военной силы, Хрущеву удалось убрать моего отца с дороги, он все же не стал для страны тем человеком, каким себя мнил. Прав Шота Руставели, когда пишет: «Что содержится в кувшине, то и льется из него!»

Я не говорю о Микояне, безоблачно проведшем долгую политическую жизнь, как тонко подметил народ, «от Ильича до Ильича». После всего, что произошло, Анастас Иванович разыскал меня в Москве у дочери и долго твердил о своей непричастности к гибели отца, просил, чтобы я передал его заверения матери. Я тогда не мог знать содержания его выступления на Пленуме, поэтому принял за истину слова Микояна. Правда, некоторые сомнения в искренности этих клятв заронила мне в душу реплика, как бы случайно оброненная им: «Эх, дорогой Серго, о чем угодно можно говорить, когда человека уже нет в живых!..» Только спустя десятки лет я понял подтекст микояновской реплики.

– Выходит, что и Маленков также притворялся, выдавая себя за друга Берия?

– Знаете ли, в политике понятие «дружба» весьма отно-

сительно. Расчет, корысть, выгода – вот что движет здесь человеком. Так было, так есть и, наверное, так будет.

– Значит, ваш отец арестован не был и никакого суда над ним быть не могло?

– Был сговор между Хрущевым, Булганиным и Ворошиловым. Об этом я точно знаю. Факт и то, что судебный процесс над Берия происходил в отсутствии самого Берия.

Мертвого никто судить уже не мог!.. Что же касается Маленкова, то тут все закономерно: Иосиф Виссарионович часто поручал им совместные задания, что и создавало видимость приятельских отношений. Впрочем, приятелями они были и в действительности, но расчет и выгода, о чем я говорил выше, взяли верх и в нем.

Подвергся подобному пороку и Лазарь Моисеевич Каганович. Мы соседствовали на даче, общались семьями и, казалось, испытывали друг к другу симпатии. Увы, человек, давший молчаливое согласие на арест и самоубийство собственного брата, легко оказался на стороне противников отца. Среди них, к моему огорчению, я увидел и Вячеслава Михайловича Молотова, от которого, уж точно не ожидал подобного малодушия. Вот говорят: жена Молотова – Полина Жемчужина – была арестована и три года провела в заключении. Кто это подстроил? Конечно же, Берия. Мало кто утруждает себя выяснением истины: что явилось причиной ареста супруги члена Политбюро и министра иностранных дел? Забывчивым или малосведущим напомним, что Жемчу-

жина обвинялась в «связях с международным сионизмом». Друзья, коллеги, соратники из Политбюро – назовите их, как хотите! – отказали Молотову в доверии, настояв на аресте его жены. Интересная деталь: Жемчужину арестовали по решению Политбюро, а освободили по единоличному распоряжению Берия. Молотов, разумеется, знал об этом и был признателен отцу. Думаю, он понимал, что антисемитизм – не прихоть одного Сталина или тем более Берия. Это отвратительное явление имеет в России глубокие корни. Достаточно сказать, что в нынешнем году исполняется 1000 лет со дня первого еврейского погрома на Руси. Печально известное общество «Память» во многом исходит из этой традиции, достигшей апогея у черносотенцев. Я не исключаю того, что именно черносотенцы, окопавшиеся в стане Сталина, провоцировали антисемитские настроения в стране. Но это так, к слову. А вообще, трактуя свое понимание конкретных поступков упомянутых деятелей, я должен заметить следующее: я не убежден, что они, разве что за исключением Хрущева, повели бы себя так воинственно-предательски, если бы суд над отцом в самом деле состоялся. Почему-то хочется верить: Маленков, Молотов и еще кое-кто предали Лаврентия Берия постфактум. Правда от этого легче не становится, ибо предательство остается предательством как в адрес живого, так и мертвого.

– Однако об аресте Берия рассказывают разные истории. Чего стоит лишь один рассказ Никиты Сергеевича о том, как

он лихо, прямо на заседании Политбюро обезвредил опаснейшего преступника! Или возьмем предсмертную исповедь генерала Зуба, который, не дрогнув перед грозным противником, с честью выполнил поручение партии!

Из воспоминаний Н. С. Хрущева:

«Вначале мы поручили арест Берия товарищу Москаленко с пятью генералами. Он и его товарищи должны были быть вооружены, и их должен был провезти с оружием в Кремль Булганин. В то время военные, которые приходили в Кремль, обязаны были в комендатуру сдавать оружие. Накануне заседания к группе Москаленко присоединился маршал Жуков и еще несколько человек.

Одним словом, в кабинет вошло не пять, а человек 10 или больше.

Маленков мягко так говорит, обращаясь к Жукову:

– Предлагаю Вам, как Председатель Совета Министров СССР, задержать Берия.

Жуков скомандовал Берия:

– Руки вверх!

Москаленко и другие даже обнажили оружие, считая, что Берия может пойти на какую-то провокацию. Берия рванулся к своему портфелю, который лежал у него за спиной на подоконнике. Я Берия схватил за руку, чтобы он не мог воспользоваться оружием, если оно лежало в портфеле.

Потом проверили – никакого оружия у него не было ни

в портфеле, ни в карманах. Он просто сделал рефлексивное такое движение.

Берия сейчас же взяли под стражу и поместили в здании Совета Министров рядом с кабинетом Маленкова.

«Огонек», № 6, 1990, с. 31.

Версия полковника, позже генерал-майора И. Г. Зуба:

«В кабинет Сталина вели три двери. Из всех трех, дабы предотвратить даже попытку к бегству, они и должны были войти по звонку Маленкова, председательствующего на заседании.

Достали оружие. Раздался звонок.

Из приемной в кабинет шагнули Батицкий с Зубом, из коридора – Баксов и Юферев, из комнаты отдыха – Жуков и Москаленко.

Во главе стола сидел Маленков, с одной стороны от него, за продольным столом, Хрущев, Булганин, другие члены Президиума.

С другой стороны ряд сидевших начинался с Берии. И одна из дверей находилась как раз у него за спиной.

Вот так дословно описывал тот момент сам Иван Григорьевич:

«Когда мы вошли, некоторые члены Президиума вскочили со своих мест, видимо, деталей осуществления ареста они не знали. Жуков тут же успокоил всех:

– Спокойно, товарищи! Садитесь.

И мы с трех сторон быстро подошли к Берии.

Когда все успокоились, Маленков сказал:

– Товарищи, я предлагаю еще раз рассмотреть вопрос о Берии.

То есть разговор до этого уже был. Все согласились. Тогда Маленков предложил:

– Он такой аферист, так опасен, что может наделать черт знает что. Поэтому я предлагаю арестовать его немедленно.

Все проголосовали «за».

Берия под пистолетом сидел неподвижно. У меня в руке был трофейный вальтер.

Я действительно отлично стрелял, и в этот момент рука моя не дрогнула бы.

После слов Маленкова Жуков скомандовал: – Встать! Следовать за нами».

С. Быстров. Задание особого свойства. В кн. Поединок. М.: Моск. рабочий, 1989. С. 320.

– Я расскажу вам ту историю, свидетелем которой частично был сам, а частично узнал от людей, участвовавших в ней.

Итак, 26 июня 1953 года отец находился на даче. Я уехал раньше, где-то около восьми, и через час был, в Кремле у Б. Л. Ванникова. (Кабинет отца располагался в противоположном здании). В четыре часа дня мы должны были доложить отцу о подготовке к проведению ядерного взрыва. Нам предстояло обсудить, будет ли это подвешенная бомба или раке-

та. Собралось человек десять, в том числе И. В. Курчатов, и В. А. Махнеев, технический помощник отца. Мы сидели, сверяли документы, готовили иллюстративные материалы и т. д. Часов в двенадцать ко мне подходит сотрудник из секретариата Ванникова и приглашает к телефону: звонил дважды Герой Советского Союза Амет-Хан, испытывавший самолеты с моим оборудованием. «Серго, – кричал он в трубку, – я тебе одну страшную весть сообщу, но держись! Ваш дом окружен войсками, а твой отец, по всей вероятности, убит. Я уже выслал машину к кремлевским воротам, садись в нее и поезжай на аэродром. Я готов переправить тебя куда-нибудь, пока еще не поздно!..»

Я начал звонить в секретариат отца. Телефоны молчали. Наверное, их успели отключить. Не брал никто трубку и на даче, и в квартире. Связь отсутствовала всюду...

Тогда я обратился к Ванникову. Выслушав меня, он тоже принялся звонить, но уже по своим каналам. В тот день, по предложению отца, было назначено расширенное заседание президиума ЦК. Ванников установил, что заседание отменено и происходит что-то непонятное. Он мне сказал: «Если уже случилось непоправимое, мы все бессильны, но за тебя постоим, не позволим им расправиться с тобой!»

У кремлевских ворот меня ждала машина с друзьями, которые уговаривали меня не ехать домой, объясняя, что дорога уже перекрыта, а вокруг слышна стрельба. Я все-таки решил никуда не улетать и не прятаться. Убежать я не мог и

потому, что не на кого было оставить маму, двух маленьких детей и беременную жену, которая должна была родить через месяц-полтора. Моим дочерям тогда было два и четыре года.

С полдороги я вернулся к Ванникову. Он одобрил мое решение не скрываться и сразу же позвонил Маленкову. У Маленкова телефон не отвечал. Тогда он позвонил Хрущеву. Трубку сняли. «Никита Сергеевич, – начал Ванников, – рядом со мной находится сын Берия. Я и мои товарищи, – он назвал фамилию Курчатова и других присутствующих тут ученых, – знаем, что произошло. Поэтому просим вас позаботиться о безопасности молодого Берия». Хрущев ему что-то отвечал. (Потом Ванников пересказал мне смысл его ответа: мол, ничего нигде ни с кем не произошло; что вы там выдумываете?) Видно, Хрущев еще не был осведомлен, чем все закончилось. Борис Львович, чтобы меня одного не схватили, поехал вместе со мной на городскую квартиру, расположенную на Садовом кольце. Район в самом деле был оцеплен военными, и нас долго не пропускали во двор, пока Ванников снова не позвонил Хрущеву. Наконец, после его разрешения, нас пропустили, что и подтверждало его причастность к происходящему. Стена со стороны комнаты моего отца была выщерблена пулями крупнокалиберных пулеметов, окна разбиты, двери выбиты.

Пока я все это отчаянно рассматривал, ко мне подбежал один из охранников дома и говорит: «Серго, только что из

помещения вынесли кого-то на носилках, накрытых брезентом».

Охранника срочно позвали, и я не успел спросить у него, находился ли отец в доме во время обстрела.

– Дом принадлежал только вашей семье?

– Исключительно. Первый этаж занимали родители, второй – я. Еще там была комендатура. Я хотел жить самостоятельно, но отец уговорил: ты у нас единственный сын, поэтому не надо отделяться; матери так будет легче.

– Как дальше развивались события?

– В сопровождении бронетранспортера меня отправили на дачу к семье. Ванников потребовал у генерала, командовавшего охраной, документы, чтобы записать все данные, и знать, с кем иметь дело на тот случай, если меня по дороге на дачу убьют. Потом обнял меня и сказал: «Держись! Знай, что у тебя друзей больше, чем ты предполагаешь!» Наша дача была окружена.

– Вас тогда, получается, арестовали?

– Фактически арестовали, хотя говорили, что задержали.

На даче я встретился с мамой. Она была очень собрана, держалась мужественно. На мое предположение, что отца, вероятно, нет в живых, она ответила: «Иначе и не могло быть!..» Говорила спокойно, без слез и причитаний. Я запомнил ее слова: «Не бойся смерти: человек умирает один раз и должен это сделать с достоинством».

Нас разлучили. Мама осталась на месте, меня же с се-

мьей увезли на дачу Сталина в Кунцево. И опять вокруг дачи – бронетранспортеры... Жили в изоляции. Внешнюю охрану осуществляли военные, а внутреннюю – люди в штатском. Относились вежливо, содержали в нормальных условиях. Спустя двадцать дней в три часа ночи меня подняли и официально объявили, что я арестован. С июля по декабрь 1953 года меня содержали в Лефортовской тюрьме, а с января 1954 года перевели в Бутырку, где я находился в течение года. И в Лефортово, и в Бутырке пребывал в одиночном заключении, без суда и следствия. Как потом выяснилось, в Бутырке, также в одиночном заключении, находилась и моя мать.

Лефортовская тюрьма отличалась очень тяжелым режимом. В камере со мной находилась охрана из четырех человек, постоянно менявшаяся. Психологическое давление сводилось к тому, что мне не разрешали спать по десять суток подряд, стремясь выдать нужные им показания. Когда я объявлял голодовку, кормили насильно. Но не избивали.

– В чем конкретно вас обвиняли?

– В заговоре против социалистического строя с целью восстановления капитализма, в участии в террористической организации и подготовке диверсий против руководителей партии и правительства, в установлении радиосвязи с английской разведкой.

– А доказательства?

– Доказательств никаких. Потому я и заявил: «Пока вы

мне не предъявите хоть один протокол допроса моего отца или любой другой документ, подписанный им, показаний давать не буду!» Поэтому я упрямо твердил: «Пока вы не предъявите неопровержимые факты о моей террористической или шпионской деятельности, показаний я также давать не буду!».

Я не отрицал, что хорошо стреляю и имею оружие, но требовал улики, изобличающих мои преступные намерения. Поскольку такие улики отсутствовали, я отвечал только на четкие вопросы типа: «Где вы были в такое-то время? Знаете ли вы такого?» Как только вопросы превращались в домыслы, надуманные обвинения, я замолкал.

– Фамилии следователей помните?

– Конечно, помню. Это были три заместителя Генерального прокурора СССР. Первый заместитель – военный прокурор генерал-лейтенант Китаев, сволочь невероятная; заместитель Комочкин и заместитель Цареградский, порядочный человек и не сволочь, хотя и прокурор...

– Допрашивали в тюрьме или возили на допросы?

– Все происходило в тюрьме. Кабинет следователя был радиофицирован и наш разговор записывался на пленку в соседнем помещении.

– Следователи представились, назвав свои настоящие фамилии, или вы их знали в лицо?

– Они представились, предъявили документы... Все, как полагается...

– Кроме следователей, никто вами не интересовался за те полтора года?

– Дважды ко мне в Лефортово приезжал Г. М. Маленков. Советовал дать некоторые показания, чтобы облегчить собственную участь. На самом деле он пытался выяснить, знаю ли я, где находится секретный архив отца.

– Боялся компромата?

– Разумеется. Он ведь, как я уже рассказывал, в ЦК вопросами репрессий ведал. Вполне возможно, что у отца хранились документы, огласка которых могла бы нанести непоправимый удар не только по одному Маленкову.

– Сполна испытав жестокий и бесчеловечный режим московских тюрем, думали ли вы о тех людях, которые прошли там Дантовы круги ада с «благословения» вашего отца?

– Находясь в заключении, человек думает о многом, у него появляется обостренная необходимость анализировать, сопоставлять, делать выводы. История с отцом, как я уже говорил, явилась для меня полнейшей неожиданностью. В камере мне не давали газеты, не разрешали слушать радио, поэтому я до конца не понимал, что же все-таки произошло, в чем провинился мой отец, в чем лично моя вина... То, что преподносили мне следователи о шпионстве и предательстве отца, я отметал сразу. Не верю этому и сегодня, так как шпионом Лаврентий Берия мог быть только советским, работавшим на благо СССР. В тюрьме у меня и мысли не возникало, что люди попадали туда по прихоти моего отца. В моем

понимании отец был высокопоставленным должностным лицом, как и все его коллеги, отвечающим за порученный ему участок дела; а этот участок ограничивался не только правоохранительной деятельностью.

– Отправляя в Свердловск, обвинение с вас сняли?

– В правительственном решении, согласно которому мне поручалось реализовать проект, указывалось, что я имею допуск к работам, содержащим государственную тайну, к особой папке, к совершенно секретной и секретной документации, но там ничего не говорилось о моем пребывании под арестом и следствием. Как будто те страшные полтора года исчезли из моей жизни!

– Быть может, власти освободили вас потому, что вспомнили знаменитую максиму «сын за отца не отвечает»?

– Не думаю, что эта милость принадлежала исключительно власти имущим. На них сильно влияли лица, поддерживающие меня в науке. Они не только добились моего освобождения, но и возвращения к любимой работе. В Свердловске меня навестил Курчатов, приезжали и другие ученые. Должен заявить со всей откровенностью и благодарностью, что меня спасла русская техническая интеллигенция! (И это я расцениваю, прежде всего, как отношение к моему отцу, а потом ко мне – ни в чем не повинному молодому человеку!)

– Скажите, после освобождения органы не пытались вас склонить к сотрудничеству? По законам «жанра» вы могли бы стать для них весьма подходящим персонажем...

– Не удостоился такой чести! Общение со мной в Лефортово и Бутырке, наверное, убедило их в том, что бесполезно рассчитывать на мое стукачество. Выпустив из тюрьмы, «рыцари плаща и кинжала» держали меня в Свердловске под постоянным наблюдением.

– Свердловск был ссылкой?

– Официально нет, но фактически – да. Без особого разрешения ни я, ни мама не могли ступить ни шагу.

– Правда, что ваша мать ездила в родной Мартвили и хотела получить там земельный участок, но местные власти ей отказали?

– Мать ездила в Мартвили как раз по приглашению местных властей, охотно отозвавшихся на ее просьбу, однако вмешалось КГБ в лице начальника его грузинского подразделения Алексея Инаури, и маму под охраной привезли обратно в Свердловск.

– В годы вашего пребывания в Свердловске мать посещала Грузию и нелегально?

– В 1958 году мы получили от анонимного респондента фотокарточку, на которой был запечатлен мой отец на фоне президентского дворца в Буэнос-Айресе. «Если вас заинтересовало мое послание – писал аноним, – поезжайте в Челябинск, где в таком-то месте в такое-то время встретите человека который и объяснит все подробности». Матери послание показалось убедительным и вопреки официальному запрету она настояла, чтобы я поехал по указанному адре-

су. В то время в Челябинске гостила моя няня, упоминаемая ранее Элла Альмендингер, брат которой возглавлял один из местных заводов. Я сообщил ей по телефону, что приеду и, возможно, обращусь с просьбой о помощи. В субботу утром мы с товарищем сели на велосипеды и отправились в путь. Из Свердловска в Челябинск – километров 250 – расстояние не такое уж непреодолимое для молодых и здоровых парней. Я поведал Элле Эммануиловне всю историю и попросил вместо меня пойти на свидание. Она согласилась, но вскоре вернулась с неприятной новостью: инкогнито настаивал на личной встрече с мамой. Вскоре после моего возвращения из Челябинска нам подбросили журнал «Вокруг света» с публикацией того же снимка и очередной запиской: мол, маму ожидают в селе Анаклия Зугдидского района, что на берегу Черного моря. Мы не исключали, что это может быть провокацией, хотя и не очень понимали ее цель. Допустим, хотят заставить нас нарушить паспортный режим, а потом наказать. Но зачем заманивать нас за тридевять земель, когда для наказания можно придумать массу поводов на месте? Тем более, что подобная перспектива нас не страшила: к одиночному заключению нам не привыкать...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.